

Глава III

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОНОПОЛИИ

1925/26 — 1926/27 гг.

1. Хлебозаготовки

Подготовка к хлебозаготовительной кампании 1925/26 г. разворачивалась в условиях проведения провозглашенного партийным руководством страны курса «Лицом к деревне», важной составляющей которого являлось углубление экономических («нэповских») методов регулирования сельской экономики. В резолюции апрельского (1925 г.) пленума ЦК РКП(б) «Очередные задачи экономической политики партии в связи с хозяйственными нуждами деревни» было заявлено, что *«интересы действительного подъема сельского хозяйства <...> требуют увеличения товарности продукции крестьянских хозяйств и в связи с этим – решительного устранения пережитков «военного коммунизма» в деревне (например, прекращения борьбы административными мерами против частной торговли, кулачества и т.п.), противоречащих допускаемому в условиях нэпа развитию рыночных отношений в стране»*¹.

Апрельский пленум решил также отказаться от практики лимитирования закупочных цен на хлеб и сельскохозяйственное сырье и перейти к более гибким методам регулирования рынка. В его резолюции признавалось необходимым *«решительно запретить при проведении регулирования цен на сельскохозяйственные продукты каких бы то ни было административных мер: штрафов, арестов и т.п. Виновных в нарушении этого порядка карать вплоть до отдачи под суд»*. Считалось также недопустимым навязывание сельскохозяйственной и потребительской кооперации обязательных заготовительных заданий². Тем не менее и в условиях осуществления «нового курса» государство не собиралось отказываться от контроля и дальнейшего овладения процессом отчуждения сельскохозяйственной продукции.

Подходы к организации новой заготовительной кампании определялись не только политической линией большевистского режима по

отношению к крестьянству, но и предполагаемыми размерами валового сбора зерновых, который обещал быть самым большим за весь пост-революционный период³. Высокий урожай, по мнению экспертов, мог привести к падению цен не только на хлеб, но и на другую сельскохозяйственную продукцию. Это могло вызвать недовольство крестьянства и вновь обострить его отношения с властью. С целью недопущения подобного развития государство решило увеличить спрос на хлебопродукты.

Первоначально принятый план государственных закупок в 680 млн пудов к середине августа был увеличен до 780 млн пудов. При этом основным государственным и кооперативным заготовителями, число которых увеличивалось, надлежало до конца декабря в целом по стране заготовить 70% от годового задания. Излишки собранного хлеба планировалось пустить на значительное увеличение экспорта и создание государственного резервного фонда⁴.

Выполнение (и возможное перевыполнение) плана заготовок должно было иметь важное не только экономическое, но и политическое значение. Недопущение снижения цен было призвано показать крестьянству серьезность намерений государства, принявшего «новый курс» по отношению к деревне, и, таким образом, укрепить его лояльность к советской власти. *«Стремясь, — писалось в обзоре правительственных мероприятий по подготовки кампании, — подавляющую долю урожая сосредоточить в руках государства и кооперации, мы должны провести всю хлебозаготовительную кампанию при таких условиях, при которых укрепились бы не только чисто экономические, но и политические позиции пролетарского государства»*. И далее: *«Нет сомнения, что успешное выполнение Советской властью роли организатора сбыта крестьянского хлеба внутри и вне страны есть усиление и укрепление элементов социализма над капиталистическими рыночными производственными и бытовыми отношениями»*⁵.

В основу регулирования ценообразования в кампанию 1925/26 г. закладывались так называемые директивные цены – средние закупочные цены, которые определялись Наркомвнутторгом СССР по отдельным районам, культурам и периодам кампании. Они должны были рассматриваться как примерные, вокруг которых государственные и кооперативные заготовители самостоятельно, в зависимости от конъюнктуры местного рынка строили конкретные закупочные цены. Колебания в ту или иную сторону от директивного уровня допускались. Слишком резкие отклонения от него следовало преодолевать исключительно экономическими методами.

Установление ценовых лимитов (в данном случае лимитов-минимумов) было строго запрещено. Так, в циркуляре Наркомата внутренней торговли СССР от 23 июня 1925 г. осуждалась практика установления твердых низших пределов закупочных цен. Данная мера расценивалась как административная и потому в новых условиях неприемлемая. Более того, наркомат на первых порах не рекомендовал даже установление синдицированных цен, которые, по мнению авторов соответствующего циркуляра, могли на местах приобретать характер предельных. Из политических соображений государственным и кооперативным заготовителям в случае падения цен значительно ниже нормального уровня рекомендовалось платить крестьянам за сдаваемый хлеб несколько выше частных скупщиков⁶.

Были сделаны и другие шаги по либерализации государственной заготовительной политики. Так, Наркомвнутторг СССР 24 июля 1925 г. указывал на необходимость отмены применявшихся в предыдущую кампанию ограничений деятельности инорайонных и местных государственных и кооперативных неосновных заготовительных организаций и предоставления им «полной свободы заготовок» за счет собственных средств и местных кредитов. Циркуляром наркомата от 26 июня было признано целесообразным наладить их финансирование на условиях, общих с основными заготовителями⁷.

Считалось также допустимым в ряде районов привлечение к хлебозаготовкам частного капитала. К таковым районам, по мнению планирующих органов, относились восточные регионы страны, в том числе Сибирь. Предполагалось, что (по аналогии с ситуацией 1922—1923 гг.) внимание основных и большинства частных заготовителей будет обращено на основные хлебные районы – Северный Кавказ, Украину, Поволжье – в ущерб вышеуказанным. Наркомвнутторг СССР в связи с этим определил, что стимулами для привлечения частного капитала к заготовкам в неосновных производящих районах могут быть отказ от применения чисто административных мер воздействия (разрешительной системы закупок, принудительных изъятий и др.), нормализация налогового обложения, а также частичное целевое кредитование. Еще 25 мая 1925 г. правление Госбанка издало по этому поводу циркуляр, в котором говорилось о необходимости «оказания кредитной поддержки той частной клиентуре, которая в своей работе умеет сочетать свои собственные интересы с общегосударственными задачами, безусловно отказывая в какой бы то ни было поддержке клиентуре чисто спекулятивной»⁸.

Однако в целом либерализация рынка была непоследовательной. В основных хлебных районах предполагалось проводить мероприятия,

главным образом экономического характера, по вытеснению и ослаблению частника (предоставление государственным и кооперативным заготовителям льгот при аренде складских помещений, мельпредприятий, ограничение частных перевозок по железным дорогам и т.п.). *«В особо важных случаях, — указывалось в циркуляре Наркомвнутторга от 27 июля, — и в зависимости от конкретной обстановки могут оказаться допустимыми как дополнительные и некоторые административные репрессии»*. Инорайонным и местным неосновным заготовительным организациям, которым якобы предоставлялась «полная свобода заготовок», рекомендовалось не открывать собственные ссыпные пункты, а заготавливать хлеб через основных заготовителей⁹.

Не произошло отказа и от практики жесткой централизации руководства государственными заготовками. Более того, степень централизации хлебозакупа даже усиливалась. В конце июля 1925 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление, по которому существенно расширялись права Наркомата внутренней торговли СССР по отношению к республиканским, краевым и губернским внутторгам¹⁰. Считалось, что непосредственное руководство Наркомвнутторгом Союза заготовительной кампанией позволит сделать его более оперативным и сдержит падение закупочных цен.

Наркомвнутторг СССР 14 августа, отметив, что низовой аппарат должен быть способен проводить в жизнь выработанную государственную политику, призвал основных заготовителей совместно с партийными и профсоюзными органами провести негласную чистку заготаппарата и его пополнение членами и кандидатами в члены РКП(б). В соответствующем циркуляре без обиняков говорилось: *«Присутствие в низовых ссыпных пунктах бывших старых хлебников, имевших свое собственное дело, хотя и крупных специалистов, но не могущих удовлетворять указанным условиям, нежелательно»*¹¹. Количество основных государственных и кооперативных заготовительных организаций, с помощью которых государство предполагало снять с рынка львиную долю хлеба, несмотря на предложения о расширении их числа, оставалось по-прежнему ограниченным.

Ситуация в период подготовки к кампании 1925/26 г. в Сибири практически не отличалась от общесоюзной. Площадь посева зерновых культур в крае выросла на 4%. При этом посевные площади, занятые пшеницей и овсом, увеличились соответственно на 20 и 7%, а рожью и крупяными — уменьшились на 5 и 47%, что являлось свидетельством усиления товарности сибирского зернового производства. Валовой сбор зерновых в регионе вырос по сравнению с предыдущим годом на 31%. Прирост в первую очередь был получен за счет значи-

тельного увеличения сбора пшеницы (на 57%), тогда как ржи (осенью 1925 г.) было собрано на 8% меньше, чем осенью 1924 г. Товарные остатки зерновых исчислялись экспертами в размере 105–112 млн пудов¹².

В этих условиях положение на региональном хлебном рынке, по мнению сибирских планирующих органов, могло сложиться еще более напряженно, чем в целом по стране. Считалось, что в условиях значительного (в отличие от ситуации 1924/25 г.) урожая в европейской части СССР сибирский хлеб мог потерять там рынок сбыта. Вполне обоснованное опасение было снято лишь после увеличения экспортного государственного плана и высвобождения таким образом места для хлебопродуктов из Сибири в потребляющих районах страны. Было признано необходимым расширить контингент плановых общесибирских заготовителей.

В соответствии с указаниями сверху провозглашался отказ от практикуемых в предыдущую кампанию ограничений в отношении хлебозакупа инорайонными организациями. Вместе с тем на совещании плановых хлебозаготовителей при Сибкрайвнутторге 27 июля было заявлено, что в будущем возможна ситуация, когда заготовительная деятельность инорайонных организаций может быть признана нецелесообразной. Синдицированные цены предполагалось вводить лишь «*в некоторые моменты кампании и в отдельных случаях*» как вспомогательное средство для достижения директивного уровня цен. Основным методом воздействия на хлебные цены должно было стать чисто экономическое воздействие на спрос и предложение¹³.

Задачи предстоящей кампании, выдвинутые руководящими органами края, вполне соответствовали общесоюзным и заключались в максимальном изъятии зерна из крестьянских хозяйств в связи с ожидаемым значительным увеличением товарной продукции, в сохранении за государственными и кооперативными заготовителями достигнутого в кампанию 1924/25 г. положения на хлебном рынке, в недопущении падения цен и предупреждении их значительного осенне-весеннего разрыва.

Региональный заготовительный план на 1925/26 г. был принят в размере 85 млн пудов (в том числе для Западной Сибири – 51,3 млн пудов, для Восточной – 33,7 млн пудов). Из этого объема 12 млн пудов предназначалось для местного снабжения внутрорегионального рынка, 63 млн пудов – для вывоза на запад и формирования резервного фонда, 10 млн пудов – для вывоза на восток. Предполагаемая доля пшеницы в общем плановом сборе составляла 54%, ржи – 30, зернофуража – 13, маслосемян и крупяных – 3%. Основные плановые

заготовители («Сибхлебопродукт», Сибкрайсоюз, Сибсельскоюз, сибконторы Госбанка и Росмасложирсиндиката) должны были закупить основную массу хлеба – 65,6 млн пудов. На долю неосновных плановых заготовителей – Сибторга, Сибгосторга, Приморского госмелъкомбината (Примгосмелъницы), Читинского транспортного потребительского общества (Читпо), Сибгоспароходства, Лесзага, Сибвинтреста и АО «Руссот» – приходилось еще 19,4 млн пудов. Кроме них, уже после составления плана на кампанию право на хлебозакуп для экспорта и открытие собственных ссыпных пунктов получили акционерные общества «Ратао» и «Русавторг»¹⁴.

Таким образом, от хлебозаготовительной кампании 1925/26 г. как в масштабах всей страны, так и в Сибири ожидалось слишком многое. Удачная закупка урожая должна была ускорить темпы и размах поступательного развития советской экономики, укрепить доверие к власти со стороны крестьянства. Однако столь оптимистичным планам не суждено было сбыться. Неблагоприятные погодные условия на юге страны в конце лета – начале осени снизили урожайность зерновых и затруднили вывоз хлеба на базары¹⁵.

В то же время спрос на хлебопродукты в потребляющих районах страны оказался выше прогнозируемого. С ростом доходов рабочих и служащих особенно выросло потребление пшеничной муки. Однако ее запасы были невелики и имели тенденцию к снижению¹⁶. Истощение не столь уж больших запасов и направление значительной части закупленного продовольственного зерна на форсирование экспорта привели к превышению спроса над предложением. В этих условиях обострилась конкурентная борьба как между основными государственными и кооперативными заготовителями, так и между ними и частными торговцами. Причем основным средством конкурентной борьбы стало повышение закупочных цен. В результате средние оптовые цены на пшеницу в начале осени не только не снизились по сравнению с небывало высоким летним уровнем, но еще более увеличились¹⁷.

Повышение закупочных цен, вызвав рост розничных цен на хлебопродукты, способствовало развитию инфляционных процессов. Невыполнение планов закупок основными государственными и кооперативными заготовителями ставило под угрозу снабжение ряда важных промышленных центров и могло вызвать недовольство городского населения. На грани потери рентабельности находился и экспорт зерновых из СССР. Все это обусловило существенные изменения в государственной политике регулирования хлебного рынка. На повестку дня встала задача снижения цен. Сделать это планировалось путем

уменьшения спроса на крестьянский хлеб. Прежде всего, был существенно сокращен план централизованных закупок на октябрь. Сократился экспорт зерна.

В соответствии с запланированным снижением централизованных закупок сокращалось финансирование хлебозаготовок. Основным государственным и кооперативным организациям кредиты выдавались в строгом соответствии с новым планом и из расчета оплаты скупаемого зерна по директивной цене. Кредитование неосновных местных государственных и кооперативных заготовителей в производящих районах также существенно сокращалось, а в пунктах с повышенным уровнем цен вообще приостанавливалось. 28 сентября 1925 г. было заявлено о временном (загем так и не отмененном) прекращении финансирования самостоятельных заготовок хлеба местными организациями в потребляющих районах. А еще раньше, 14 сентября, было запрещено авансирование частных скупщиков. В первой декаде октября на места пришло указание Центра о принятии мер к прекращению финансирования закупок хлеба местными финансовыми и кредитными учреждениями: городскими, коммунальными, сельскохозяйственными банками, коммерческими агентствами железных дорог и пароходств и т.п. Финансовое обеспечение хлебных операций, таким образом, полностью переходило в монопольное ведение Государственного банка и его местных отделений и контор¹⁸.

Была откорректирована и ценовая политика. Если в начале кампании введение синдицированных цен не рекомендовалось, то уже в начале октября Наркомвнутторг указал на необходимость скорейшего заключения на местах соглашений по ценам между плановыми (как основными, так и неосновными) заготовительными организациями. Таким образом, работавшие до сих пор на рынке самостоятельно хлебо-торговые организации были поставлены в зависимость от органов Наркомата внутренней торговли, возглавивших местные конвенции.

В результате принятия ряда мер, носящих преимущественно экономический характер и направленных на сокращение спроса на крестьянский хлеб, в октябре 1925 г. удалось несколько снизить уровень закупочных цен. Однако, несмотря на это, преодолеть в течение октября–ноября трудности, связанные с заготовкой хлеба, не удалось¹⁹.

В Сибири сложилась аналогичная ситуация. Сентябрьские заготовки здесь протекали вяло. С одной стороны, плановые заготовители, уверенные в успехе кампании, не спешили развернуть сеть своих сыпных пунктов. С другой – крестьяне не спешили с реализацией зерна, предпочитая продавать технические культуры. В результате месячный план был выполнен на 48% (табл. 8). Причем за первые два-

дцать дней было закуплено всего 30% месячного задания. На небывало высоком для данного времени года уровне держались заготовительные цены на пшеницу. За пуд крестьяне в среднем по краю получали 1 р. 6 к. (табл. 9), а в ряде районов – 1 р. 20 к. при директивной цене в 90 коп.²⁰ Такая цена в регионе в 1924/25 г. установилась только к весне. Превосходили как директивный прошлогодний уровень и ржаные цены (55 коп. за пуд).

Т а б л и ц а 8

Ход централизованных хлебозаготовок 1925/26 г. в Сибирском крае
(по месяцам)

Месяц	Объем заготовок, тыс. пудов	% к годовому итогу	Выполнение месячного плана, %
1925 г.			
Сентябрь	1528,6	2,9	59,9
Октябрь	5621,1	10,8	136,1
Ноябрь	5027,7	9,6	77,3
Декабрь	8183,7	15,7	49,0
1926 г.			
Январь	5431,3	10,4	52,4
Февраль	5191,6	10,0	44,7
Март	5874,0	11,3	48,9
Апрель	4238,5	8,1	71,3
Май	3172,8	6,1	123,0
Июнь	4400,1	8,4	133,7
Июль	2430,7	4,7	82,4
Август	1056,8	2,0	57,4

Источники: ГАНО, ф. Р-12, оп. 2, л.32; ф. Р-659, оп. 1, д. 33, л. 162; д. 246, л. 140–170; оп. 2, д. 26, л. 90; Сибирский торговый бюллетень. 1926. 6 июня; Жизнь Сибири. 1926. № 2–3. С. 89; № 4. С. 84.

Данное положение было признано ненормальным. И на заседании хлебного комитета при Сибкрайвнутторге 22 сентября 1925 г. было принято решение о необходимости снижения в октябре заготовительных цен на пшеницу до 80–85 коп., на рожь – до 50–55 коп. за пуд. С этой целью в начале октября предполагалось несколько снизить спрос на зерно со стороны плановых заготовительных организаций. По районам с наиболее высоким уровнем цен (в частности, по Омску) им вообще рекомендовалось воздержаться от закупок хлеба в период 1–4 октября. Был

также снижен заготовительный план на октябрь на 19%. С 369 до 210 сокращалось количество ссыпных пунктов, принадлежавших плановым заготовительным организациям²¹.

Т а б л и ц а 9

Закупочные цены на хлеб в Сибирском крае в 1925/26 г. (коп. за пуд)

Месяц	Заготовительные цены АО «Хлебопродукт»		Рыночные цены	
	пшеница	рожь	пшеница	рожь
1925 г.				
Сентябрь	106	55	110	65
Октябрь	99	60	104	63
Ноябрь	91	58	102	62
Декабрь	88	62	103	62
1926 г.				
Январь	91	65	105	62
Февраль	86	62	103	61
Март	90	66	101	63
Апрель	88	65	103	64
Май	86	64	107	67
Июнь	90	65	99	66
Июль	86	57	102	69
Август	85	55	101	74

Источник: Ежегодник хлебной торговли. М., 1928. № 1: 1925/26 – 1926/27 гг. С. 64.

Примечание: Рыночные цены указаны по состоянию на первое число указанного месяца.

Однако экономическими мерами сбить цены не удалось. В конце сентября – начале октября ситуация на хлебном рынке Сибири резко изменилась. Высокие цены в основных хлебных районах СССР и все более ощущаемый дефицит зерна в потребляющих районах привели к тому, что в Западную Сибирь двинулись со всех концов страны ино-районные организации, а также частные скупщики. Приказы о форсировании заготовок получили из своих центральных контор и плановые заготовители. На хлебном рынке края возник ажиотажный спрос. Цены на зерно стали повышаться.

Особенно острая конкуренция, а следовательно, и самый высокий уровень цен отмечались, как и в прошлом году, в Омском округе, где

на хлебном рынке действовали помимо местных плановых заготовителей еще 24 инорайонные государственные и кооперативные организации и 204 частных заготовителя (к последним надо прибавить немалое число скупщиков, работавших без патентов). В отдельных пунктах частные хлеботорговцы скупали до 80% крестьянского привоза. С начала кампании по 1 января 1926 г. частниками было закуплено и вывезено за пределы Омского округа 950 тыс. пудов хлебопродуктов, или 30,5% общего объема заготовок.

Наиболее крупные частные фирмы закупали на рынке хлеба не меньше, чем некоторые государственные организации. Так, частная фирма С.О. Россинского с 20 сентября по 15 октября отправила на запад 72 вагона хлебопродуктов, фирма Мордковича – 26 вагонов, Ривкина – 19 вагонов. Частники предлагали крестьянам за хлеб цены более высокие, чем государственные и кооперативные заготовители, заявляя при этом: *«Мы повернулись к вам лицом, а не государство»*. Частные хлеботорговцы вели закупку зерна круглые сутки, широко проводили оптовые закупки у низовых кооперативов²². Не выдерживая конкуренции, госзаготовители стали обращаться в местные регулирующие органы с жалобами на действия представителей частного капитала.

Реакция властей не заставила себя долго ждать. На заседании Сибревкома 15 октября 1925 г. было принято решение перейти от экономических методов сдерживания частников к чисто административным. Категорически запрещалось финансирование хлеботорговых операций частных лиц, а также оптовая покупка или продажа им хлеба. Все договоры государственных и кооперативных заготовителей с частными лицами расторгались²³. Крайвнутторг в своем циркуляре окружным отделам внутренней торговли, принятом на основе постановления Сибревкома, обязывал их создавать по отношению к частникам *«затруднения по всем линиям - налоговой, складской и т.п., не останавливаясь в случаях особо злостной конкуренции применять жесткие административные меры»*²⁴. 20 октября уполномоченный НКПС по Сибири своим приказом запретил прием зерна от частных лиц для отправления за пределы края. Несколько позже этот запрет распространился и на муку²⁵.

В ноябре–декабре 1925 г. фактический запрет, названный «экономическим регулированием» на межрайонные перевозки частных хлебных грузов железной дорогой, был введен в масштабах всей страны. В постановлении СТО от 9 ноября 1925 г. указывалось на необходимость *«в целях упорядочения хлебного рынка, дезорганизуемого усиленной работой частного капитала, достигнуть если не полного пре-*

кращения, то, по крайней мере, возможного сокращения перевозок хлебофуражных грузов частных лиц»²⁶.

Выполняя директиву СТО, Наркомат путей сообщения изменил порядок отправки грузов. Как указывалось в предыдущей главе, транспортные органы относили все грузы либо к внеочередной, либо к одной из последующих четырех категорий очередности погрузки. При этом все хлебофуражные грузы, отправляемые мелкими партиями, были приравнены ко второй категории очередности, а все хлебные грузы повагонной отправки – к третьей. 16 ноября НКПС своим циркуляром ввел пятую категорию грузов, в которую с момента введения на соответствующей железной дороге «экономического регулирования» переводились все грузы частных и приравненных к ним организаций из третьей и частные грузы из второй категории. *«Погрузка грузов, — говорилось в циркуляре, — должна совершаться в порядке очередности категорий и погрузка грузов пятой категории может иметь место лишь после погрузки всех грузов внеочередных и первых четырех категорий в пределах всей регулируемой железной дорогой. <...> Таким образом, с переводом железной дороги в разряд регулируемых, с открытием пятой категории остается лишь принять меры к тому, чтобы грузы пятой категории фактически не грузились»²⁷.*

Вагоны рекомендовалось распределять по всей регулируемой железной дороге таким образом, чтобы на каждой отдельной станции ими обеспечивалась отправка лишь внеочередной и первых четырех категорий хлебных грузов. Если на железной дороге все-таки оставалось некоторое свободное количество вагонов, то все равно регулирующие транспортные органы обязывались сделать все возможное, чтобы не допустить отправки частных хлебных грузов.

Первоначально «экономическое регулирование» ввели лишь на ограниченном числе железных дорог (Сибирская железная дорога в их число не попала). Однако эффект данная мера дала против ожиданий небольшой. Частники находили способы обхода вновь введенных запретов путем подвозки хлебных грузов гужом до станций, не включенных в зону «экономического регулирования», использования государственных или кооперативных организаций для отправки своих грузов. В ряде регионов частные хлеботорговцы продолжали заготовку хлеба в запас в ожидании отмены транспортных ограничений и складировали его как в своих, так и в государственных пакгаузах²⁸.

В этих условиях «экономическое регулирование» распространялось на все новые железные дороги, его режим ужесточался. Вводилось не распространявшееся на основных заготовителей запрещение на отpravку хлебных грузов спецскоростью. Элеваторам и зерноскладам

Госбанка и НКПС было приказано максимально сократить или даже прекратить прием хлеба от частников на хранение путем повышения такс и сборов. Органы внутренней торговли на местах получили право обследования списков очередей грузоотправителей *«для исключения оттуда с перенесением в пятую категорию всякого рода сомнительных товариществ и организаций»*. К частным со всеми вытекающими отсюда последствиями следовало приравнивать также те государственные и кооперативные организации, *«деятельность которых будет признана местными органами Наркомторга не ниже крайнутторга, облвнутторга и губвнутторга в данном районе нежелательной»*²⁹.

Наркомвнуторг СССР рекомендовал местным отделам внутренней торговли поставить доклад об «экономическом регулировании» в парткомах соответствующего уровня (губкомах, окружкомах и т.п.) с целью получения оттуда *«твердых директив: а) руководителям транспорта о принятии всех мер к сокращению перевозок частных грузов; б) органам ГПУ о наблюдении за организацией и выполнением низовым аппаратом полученных директив и борьбы с возможными подлогами и злоупотреблениями»*³⁰.

В связи с вышеизложенным может возникнуть вопрос о целесообразности столь сложной системы мер, направленных на недопущение отправки частных грузов. Не проще ли было ввести четкий и ясный запрет на это? Подобное недоумение возникало и во время принятия указанных документов. Так, в начале января 1926 г. Наркомвнуторг, несмотря на то, что в Сибири запрет на вывоз из края частных хлебных грузов действовал еще с октября 1925 г., указал на необходимость введения там «экономического регулирования на железнодорожном транспорте». В ответ на это Сибкрайторготдел³¹ 19 января 1926 г. заявил, что никакого смысла в подобной акции нет. *«Мы считаем, — говорилось в письме крайторготдела, — что поскольку введением экономического регулирования положение по существу не изменится, нет надобности настаивать на изменении одного названия, хотя бы оно и меньше резало слух»*³².

Собственно, в последней фразе, на наш взгляд, и заключается объяснение того лицемерия, при котором чисто административные, запретительные меры определялись как экономические. Формальные запреты в сфере экономики не вполне, по мнению партийного руководства страны, соответствовали провозглашенным «нэповским» принципам и потому, не меняя своей сути, получали вполне благопристойные наименования. Отсюда и строгая секретность всех циркуляров, в кото-

рых разъянились цели «экономрегулирования» на транспорте и механизм его осуществления.

И в Сибири не обходилось без лицемерия. Так, заведующий Бийским окружным отделом внутренней торговли прислал в Сибкрайвнутторг 18 декабря 1925 г. телеграмму следующего содержания: *«[За] злостную конкуренцию мною снят [с рынка] частный заготовитель. Прошу санкционировать. Жду разъяснения»*. Чиновник из крайвнутторга ответил на это: *«Не возражая по существу против устранения с заготовительного рынка злостно конкурирующего частника, обращаем ваше внимание на допущение нарушения вами в данном случае **формальной** (выделено мной. — В.И.) стороны дела. Впредь официального снятия частников не допускайте, прибегая в этих случаях к иным способам воздействия, поскольку работа их окажется вредной»*³³. Под «иными» способами воздействия чаще всего подразумевалось привлечение частного торговца к уголовной ответственности. Поиском поводов для этого должны были заниматься местные органы ОГПУ, чем последние и занимались весьма активно. Так, 25 октября сотрудниками ГПУ за «дезорганизацию рынка, ночную скупку зерна, контрреволюционную агитацию» был арестован уже упомянутый выше самый крупный сибирский частный хлеботорговец Россинский³⁴.

Итоги ограничения частного капитала на хлебном рынке подвел заведующий Сибкрайторготделом И.И. Решиков, который в личном послании в Наркомторг СССР 19 января 1926 г. писал по поводу частников: *«правда они кое-что делают, но мы их настолько притесняем, что вряд ли работа их может иметь серьезное значение. <...> Нами приняты следующие меры: часть частников арестована. Продолжаем заниматься этим постепенно, изымаем от них мельницы, которые были сданы ими в аренду, таскаем в внутторг и пр.»*³⁵

Не менее жесткие ограничения применялись и к инорайонным заготовительным организациям. Они обязывались пройти регистрацию в местных органах внутренней торговли, после которой либо вообще снимались с рынка (если местные власти считали, что они дезорганизуют хлебный рынок), либо лишались права проведения самостоятельных закупок хлеба и должны были покупать его у плановых заготовителей. Самостоятельные заготовки запрещались помимо неплановых инорайонных организаций еще и части плановых: Сибгоспароходству, Лесзагу, акционерным обществам «Руссот», «Ратао», «Русавторг». На местах этот список мог увеличиваться. Так, в Новониколаевском округе с заготовок была снята Примгосмельница.

Хлебозакуп неплановыми инорайонными организациями непосредственно на рынке допускался только с разрешения Сибкрайвнутторга. Зарегистрированные организации подчинялись местным внутторгам и обязывались выполнять все их указания. Кроме того, через два дня после запрещения вывоза частных хлебных грузов из края (22 октября 1925 г.) такая же участь постигла и инорайонные организации. Теперь вывозить хлебопродукты из Сибири могли только плановые заготовители.

Контроль за соблюдением указанных мер помимо органов внутренней торговли, как и в случае с частниками, возлагался на экономические отделы ОГПУ. Последние должны были вести наблюдение и за деятельностью основных заготовителей, привлекая виновных в нарушении установленных правил к уголовной ответственности. Следственные и судебные органы, в свою очередь, получали задание ускорить рассмотрение и производство дел по подобным преступлениям³⁶. В циркуляре Наркомата юстиции СССР от 28 декабря указывалось, что *«при разрешении означенных дел и избрании судами в отношении лиц, осужденных по этим делам, судебнo-исправительных мер учитывать всю серьезность их деяний, наносящих тяжелейший вред рабоче-крестьянскому государству»*³⁷.

С целью снижения и стабилизации закупочных цен Сибкрайвнутторг обязал плановые заготовительные организации заключить соглашение о совместном выступлении на рынке. Согласно конвенции, заключенной 25 октября 1925 г., ее члены – «Сибхлебопродукт», Сибторг, Сибгосторг, сибирская контора Госбанка, Сибсельскосоюз и Сибкрайсоюз – устанавливали на территории Омского, Славгородского, Каменского, Новониколаевского, Барнаульского, Бийского и Рубцовского округов синдицированные цены на пшеницу, которые являлись для каждой покупки максимально предельными. За их нарушение, а также за приобретение зерна у частных перекупщиков члены конвенции должны были вносить неустойку в пользу особого фонда Сибкрайисполкома на культурные нужды края. 26 ноября синдицированные цены на пшеницу были распространены на всю территорию Сибирского края³⁸.

Заключение конвенции, жесткий контроль за ее соблюдением в сочетании с комплексом мер экономического и административного порядка позволили добиться в крае существенного снижения закупочных цен на пшеницу. Если, как указывалось выше, средние заготовительные цены на нее составляли в Сибири в сентябре 1925 г. 1 р. 6 к. за пуд, то в октябре – уже 99 коп., в ноябре – 91, а в декабре – 88 коп. при директивной цене 90 коп. Что же касается ржи, которая в ходе кампа-

нии 1925/26 г. из Сибири не вывозилась и использовалась только для внутренних нужд, не привлекая к себе столь пристального внимания регулирующих органов, то цены на нее в октябре–декабре по сравнению с сентябрем возросли.

Эффективность вышеуказанных мероприятий оказалась кратковременной. Сокращенное заготовительное задание на октябрь удалось перевыполнить на 36%, причем в третьей декаде октября хлебопродуктов было закуплено в 3 раза больше, чем в первой. Успех обеспечили западные округа края. В восточных округах, где заготовки еще только разворачивались, объем хлебозакупа составил лишь 57% от задания на месяц. Однако в ноябре темп заготовок в регионе начал отставать от плановых предположений. Месячный план был выполнен на 77%. В декабре 1925 г. централизованные заготовки хлеба в Сибири составили 8183,7 тыс. пудов (49% месячного задания), или на 23% меньше, чем в декабре не столь урожайного 1924 г. (см.: табл. 8; прилож., табл. II).

К 1 января 1926 г. выполнение годового плана, по оперативным данным, составило 26,3% (на западе региона – 27,1%, на востоке – 25,4%), тогда как к этому времени предполагалось закупить 40% от задания на год. Самыми неудачными оказались заготовки в Барабинском, Минусинском, Кузнецком, Рубцовском и Омском округах, в которых выполнение годового задания составляло соответственно 5,3; 9,2; 12,6; 17,7 и 18,5% (табл. 10). Особенно плохо обстояло дело с заготовками ржи. Годовой план по ее закупкам на 31 декабря 1925 г. был выполнен всего лишь на 14,7% (по маслосеменам – на 106,5%, по зернофуражу – 40,1, по пшенице – 26,4, по крупяным – на 18,1%)³⁹.

Если в ноябре невыполнение месячного задания в значительной степени было связано с осенней распутицей, то в декабре среди причин заготовительных трудностей в регионе на первый план выходит задержка средним и зажиточным крестьянством (беднота к этому времени свой хлеб в основном уже продала) реализации зерна, фактически вновь принявшая характер массовой «хлебной стачки». Заведующий Сибкрайторготделом И.И. Решиков в уже упомянутом выше письме в Наркомторг СССР от 19 января 1926 г. в этой связи писал: *«Мужики упорно не желают сдавать хлеб. Зажиточные крестьяне, имеющие по две-три тысячи пудов, хлеб еще не вывозили»*⁴⁰.

Т а б л и ц а 1 0

Ход централизованных хлебозаготовок 1925/26 г. в Сибирском крае по округам

Округ / регион	На 1.01.1926 г.		На 1.04.1926 г.		На 1.09.1926 г.	
	тыс. пудов	% к годовому плану	тыс. пудов	% к годовому плану	тыс. пудов	% к годовому плану
Омский	1857,5	18,5	3761,0	37,6	5336,7	53,4
Славгородский	1790,4	39,7	2648,3	58,8	3915,8	87,0
Барабинский	160,6	5,3	331,5	11,1	447,2	14,9
Новосибирский	3858,1	45,4	4213,5	49,5	4895,7	57,6
Каменский	980,3	28,0	1082,2	30,9	1449,4	41,4
Барнаульский	2504,8	29,0	3576,4	42,1	4672,4	54,3
Рубцовский	708,7	17,7	1326,0	33,2	2342,6	58,6
Бийский	1882,5	21,0	3180,7	35,3	5103,7	55,6
Юго-запад края	13924,0	27,1	19788,5	38,0	28189,5	55,0
Томский	1364,3	22,6	2030,9	38,6	2857,1	47,6
Кузнецкий	377,9	12,6	643,4	21,4	877,1	29,2
Ачинский	2626,5	35,0	4795,5	63,9	5958,2	79,4
Красноярский	626,8	20,8	1737,9	57,9	2796,4	93,2
Минусинский	385,5	9,2	794,3	18,9	1379,5	32,0
Канский	1874,5	31,2	4415,8	73,6	6413,2	106,9
Иркутская губ.	1013,0	25,3	2350,8	58,8	3685,9	92,2
Северо-восток края	8468,7	25,4	16768,6	49,8	23967,4	71,1
Итого по Сибири	22392,7	26,3	36557,1	48,0	52156,6	61,4

Источники: ГАНУ, ф. Р-12, оп. 1, д. 6, л. 77; ф. Р-659, оп. 1, д. 33, л. 162; оп. 2, д. 26, л. 89; Сибирский торговый бюллетень. 1926. 22 мая.

Примечание: На 1 января и 1 апреля данные оперативные. В итоги по округам включен некоторый процент перекупок. Сведения о выполнении годового плана приводятся относительно задания, полученного в начале кампании.

Отчасти это было связано со стремлением производителей зерна к созданию его страховых запасов на случай неурожая. Для досоветского периода наличие подобных запасов в крестьянских хозяйствах, особенно в остросасушливых районах, было обычным. Однако в годы гражданской войны все излишки хлеба у крестьян изымались. В первые годы нэпа крестьяне, нуждаясь в деньгах для уплаты весьма значительных сумм налогов и покупки остро необходимых, но чрезвы-

чайно дорогих промышленных товаров, также вынуждены были реализовывать почти все излишки зерна. И лишь с 1925 г. для них стало возможным вновь оставлять страховые запасы. Исчезла необходимость в продаже всех хлебопродуктов без остатка, уменьшились и стимулы к их реализации. Этому способствовало значительное сокращение налоговых и иных платежей, насыщение деревни денежными средствами, получаемыми за счет повышения цен на сельскохозяйственную продукцию и снижения цен на промтовары.

Перенос первого обязательного срока уплаты налога на месяц (см. ниже) позволил сельским жителям не торопиться с реализацией зерна, а закончив обмолот, приступить к сбору и продаже технических культур, а также к реализации продуктов животноводства. Именно за счет продажи указанных видов сельхозпродукции крестьяне все больше и больше стали покрывать свою нужду в денежных средствах. Зерно же как продукт длительного хранения оставлялось в хозяйстве в надежде значительного, по примеру прошлого заготовительного года, весеннего повышения цен на него. Кроме того, заметно за счет улучшения питания и увеличения использования хлеба для прокорма животных выросло внутреннее потребление зерна в крестьянских хозяйствах. И, наконец, по-прежнему значительное количество хлеба использовалось на производство самогона.

В этих условиях способствовать повышению предложения крестьянского хлеба на рынке могло лишь увеличение поставок в деревню промышленных товаров. Однако начиная с 1924 г. кризис сбыта сменился прямо противоположной ситуацией товарного голода. В целом по стране общие доходы деревни в первой половине 1925/26 хозяйственного года выросли на 640 млн руб. За тот же период рост общего фонда заработной платы рабочих и служащих (при замедленном росте производительности труда) составил 600 млн руб. Производство же предметов потребления увеличилось всего на 750 млн рублей, и задержанный спрос, таким образом, сразу же увеличился на 0,5 млрд руб.⁴¹ Особенно острый товарный голод испытывала деревня, так как львиная доля промтоваров оседала в городе.

Не стимулировало увеличение предложения зерна и несоответствие закупочных цен на него рыночной конъюнктуре. Удержание государственными и кооперативными заготовительными организациями низкого уровня цен воспринималось крестьянами весьма болезненно. Так, в бюллетене ЭКО ПП ОГПУ приводится мнение крестьянина Шишкова, высказанное им на базаре в г. Камне: *«Вот как сорганизовались, все как один. Всех вас надо подушить. Привыкли с крестьян шкуру драть. Да и то сказать, крестьянин проспал свободу, и все выиграла рабочие. Когда*

крестьянину нужно продать хлеб, цена падает, а когда нужно ему купить, цена подымается». Другой сельский житель, обращаясь к госзаготовителю, сказал: «Не думайте, что только вы умеете организоваться. И мы это сумеем сделать. Вот как не повезем на рынок пшеницу, будете нам платить по 1 рублю 70 копеек за пуд»⁴².

Состоятельное сибирское крестьянство, твердо рассчитывая на повышение цен весной, не только задерживало продажу произведенных им хлебопродуктов, но расширяло свои запасы, обращая на их закупку часть выручки от реализации продуктов животноводства и технических культур. Хлеб воспринимался ими как наиболее надежный и выгодный объект вложения капитала. Согласно сведениям бюллетеня ЭКО ПП ОГПУ по Сибирскому краю, один из крестьян Шалаболинского района Барнаульского округа в связи с этим говорил: *«Хранить бумажные деньги невыгодно, курс может упасть. Ну, а если поместить свободные средства в пшеницу, то можно еще весной будет подзаработать. Да если этот хлеб и не продавать, то цена пшеницы – вещь твердая»*. Там же приводилось и высказывание зажиточного крестьянина Сергеева из пос. Самарского Каменского округа: *«В газетах пишут, что цены на хлеб весной не поднимутся, а я уверяю, что поднимутся, а если и нет, то вывозить все равно не надо. Пусть снизят цены на товары, тогда повезем»⁴³.*

Скупка зерна зажиточным крестьянством осуществлялась по всем округам Сибири и достигала порой значительных размеров. Так, на Барнаульском рынке в некоторые дни января они приобретали до 90% всего подвоза. 28 декабря 1925 г. из 300 возов пшеницы 12 закупили государственные заготовители, остальное – приехавшие на рынок крестьяне⁴⁴.

Как и в прошлом году, дестабилизирующее влияние на ход заготовок в Сибири оказали более высокие хлебные цены в смежных регионах – в Туве, Забайкалье, Казахстане, на Урале; причем от месяца к месяцу эта разница увеличивалась. Так, заготовительные цены на пшеницу в сентябре 1925 г. в Казахстане были выше на 17, а на Урале – на 15%, чем в Сибири. В феврале 1926 г. эта разница достигала уже соответственно 33 и 44%. Цена одного пуда пшеницы, проданного на вольном рынке в Уральской области, в марте была на 41% выше, чем в Сибирском крае. В связи с этим крестьяне-скупщики (или, по определению ряда информационных сводок с мест, представители «нового вида частника») пытались сами наладить межрайонную торговлю хлебом. Они самостоятельно гужевым транспортом вывозили в соседние регионы зерно и муку.

Поле притяжения для крестьянского хлеба становились также работающие на удовлетворение внутрирайонного спроса мелкие товарные и полутоварные мельницы, которые в большинстве своем принадлежали частными лицам или были арендованы ими. Пользуясь так называемыми «зерно-мучными ножницами», т.е. высокими ценами на муку в сравнении с зерном (в течение года разница между среднерыночными ценами на муку и пшеницу колебалась в пределах от 30 до 55%), зажиточные крестьяне перемалывали скупленное зерно и продавали муку по высоким ценам на городском рынке или сдавали ее большими партиями государственным заготовителям, получая комиссионные за партионность⁴⁵.

Ситуация, сложившаяся на хлебном рынке Сибири, привлекла внимание руководящих партийных органов края. Бюро Сибкрайкома компартии на своем заседании 29 декабря 1925 г. заслушало доклад о ходе заготовок. Констатируя большой недобор хлеба по сравнению с планом, бюро как положительный результат первой половины кампании назвало достижение относительно низкого и стабильного уровня закупочных цен. Было признано необходимым и впредь не допустить их повышения. Тем самым, по мнению членов крайкома, показав крестьянам твердость намерений государства, можно было поколебать их выжидательную позицию. Не проигрывала в этом случае и беднота, реализовывавшая свой хлеб осенью⁴⁶. В составленной на основе решения бюро крайкома директиве Сибкрайисполкома всем окружным исполкомам в связи с этим недвусмысленно заявлялось: «*Сломить сопротивление* (выделено мною. — В.И.) *крестьянства, понудить его продавать хлеб по приемлемым для государства ценам составляет основную задачу всех исполкомов и самих заготовителей*»⁴⁷.

Крайком и крайисполком поставили перед местными партийными и советскими органами задачу жесткого контроля за низовым государственным и кооперативным заготовительным аппаратом по поводу соблюдения синдицированных цен. Было также предусмотрено «*продолжать и в дальнейшем с применением всех предусмотренных ранее мер решительную борьбу с работой частного капитала на хлебном рынке*». К «особо злостным спекулянтам» по-прежнему предполагалось применять административные меры, «*оставляя эти меры соответствующими формальностями*»⁴⁸.

Кроме того, принимались меры по улучшению товароснабжения деревни. Увеличивался план завоза потребительских товаров, разнообразился их ассортимент. Извлечению у крестьян максимально возможного количества денег должна была содействовать и возобновленная с 1 октября 1925 г. продажа в сельской местности водки, прекра-

шенная в связи с принятием «сухого закона» еще в годы Первой мировой войны. До 70% произведенного «очищенного сорокаградусного хлебного вина» (нареченного народом в честь председателя союзного Совнаркома, подписавшего соответствующее постановление правительства, «рыковкой») предполагалось продать в деревне⁴⁹. Тем самым государство без соответствующего увеличения выпуска промтоваров могло дополнительно получить значительные суммы денег. Кроме того, предполагалось, что крестьяне в связи с продажей дешевой и качественной водки сократят производство самогона, уменьшив использование для этой цели зерна. В качестве действенной меры стимулирования предложения зерна предлагалось также усиление взыскания с сельских жителей как старых, так и новых задолженностей по налогам, страховым платежам и т.п.

Последнее обстоятельство требует более подробного объяснения. Дело в том, что в связи с принятием РКП(б) курса «Лицом к деревне» были отменены жесткие административные и судебные меры воздействия за несвоевременную неуплату налогов и иных платежей государству. Однако либерализация наказаний, как это часто случается, привела к падению дисциплины. Так, в кампанию 1925/26 г. размер сельскохозяйственного налога в Сибири был на 36% меньше, чем в 1924/25 г. Первый обязательный срок его выплаты (30% от общей суммы) назначался на 1 декабря; а в прошедшем году он приходился на 1 ноября. Невыполнение срочного задания тем не менее составило по краю 20%, тогда как в 1924/25 г. первое срочное задание было недовыполнено на 15%, т.е. результат на 1 декабря 1925 г. был хуже, чем на 1 ноября 1924 г.⁵⁰

Кроме сельхозналога крестьяне задерживали выполнение своих финансовых обязательств по страховым платежам, возврату кредитов и процентов к ним, оплате землеустройства и иных услуг. Задолженность за производство землеустроительных работ, к примеру, достигала на 1 октября 1925 г. 789 тыс. руб. При этом, по мнению чиновников краевого земельного управления, недоимки числились преимущественно за состоятельным крестьянством, так как землеустройство бедноты проводилось частью бесплатно, а частью с предоставлением значительных финансовых льгот⁵¹. То же можно сказать и о сельскохозяйственном налоге. Позиция беднейшего крестьянства практически не влияла на выполнение налогового задания, так как оно было обложено минимально (значительная же часть бедняцких хозяйств вообще была освобождена от налога). Многочисленные информационные сообщения с мест, имеющие оценочный характер, а также статистиче-

ские материалы показывают, что большинство недоимщиков составляли середняки и зажиточные крестьяне⁵².

Такого рода задолженности подрывали финансовое положение государства и, естественно, власти стремились к их скорейшему погашению. Предполагалось также, что «ударная» кампания по взысканию всевозможных недоимок создаст у крестьян срочную нужду в деньгах и заставит их вывезти на рынок свой хлеб. В связи с этим, основываясь на указаниях Сибкрайкома ВКП(б), крайисполком своей директивой от 6 января обязал нижестоящие советские, финансовые и иные соответствующие хозяйственные органы приступить к решительному взысканию единого сельскохозяйственного налога, страховых и других сборов, принять меры к взысканию недоимок по семенной ссуде и землеустройству, а также усилить ликвидацию задолженности крестьян кооперативным организациям⁵³. Председатель краевого суда, также исходя из приказаний как партийного, так и советского начальства, 20 января дал указания всем народным судам Сибири: дела по неуплате сельхозналога, семенной ссуды, иски государственных учреждений и кооперации к крестьянству о взыскании задолженности по проданным в кредит сельскохозяйственным машинам, землеустройству, ссудам и пр. назначать и рассматривать в первую очередь, выдавая судебные приказы по рассмотренным искам без всякого промедления⁵⁴.

Побуждая крестьян в целях погашения задолженности реализовывать сельхозпродукцию, а не использовать какие-либо иные средства, финансово-кредитные органы, изыскивая всевозможные предлоги, воздерживались от дальнейшего кредитования сельского населения вплоть до окончания хлебозаготовительной кампании. Кредитование допускалось исключительно для бедноты, которая не имеет продукции для сбыта. С той же целью прекращалась продажа сельскохозяйственных машин в кредит и, напротив, расширялась практика сбора у крестьян задатков за продажу таковых в будущем. Кроме того, заготовительные организации получили директиву сократить закупки сельскохозяйственного сырья и мясопродуктов у жителей деревни.

Как и в прошлом году, в жертву успеху заготовок хлебопродуктов были принесены маслозаготовки. В постановлении бюро Сибкрайкома от 2 января соответствующие организации обязывались прекратить как долгосрочное, так и краткосрочное кредитование маслоартелей в хлебных районах⁵⁵.

Чтобы сократить крестьянский хлебозакуп, местные органы власти обязывались принять меры к налогообложению зажиточных крестьян, производящих закупку зерна как у своих односельчан, так и на базарах. За беспатентную торговлю их следовало привлекать к админи-

стративной и уголовной ответственности. В циркуляре крайфинотдела указывалось, что крестьяне-скупщики с тем, чтобы не брать патенты на право торговли, доставали в сельских советах фиктивные справки о том, что они в связи со стихийным бедствием нуждаются в покупке хлеба. При обнаружении подобных операций низовым финансовым органам надлежало возбуждать уголовные дела не только против скупщиков, но и против должностных лиц, содействующих им. С тем чтобы крестьяне, перемалывающие скупленный хлеб, не наживались на разнице цен между зерном и мукой, для основных заготовительских организаций вводился запрет на закупку муки⁵⁶.

Однако эффект от большинства вышеперечисленных мер был небольшим. На практике скупка зерна зажиточным крестьянством практически не поддавалась финансовому контролю. Мука, принадлежавшая состоятельным селянам, продавалась деревенской бедноте, нуждающейся в хлебе. Несмотря на прекращение кредитования деревни, деньги в деревне были. Покупательная способность сельских жителей региона в 1925/26 г. по сравнению с предыдущим периодом возросла за счет увеличения доходов от продажи сельскохозяйственной продукции и иных видов заработков, а также уменьшения налоговых сборов на 32%⁵⁷.

Многие крестьяне продолжали не выплачивать налог в установленные законом сроки. Невыполнение налогового задания второго обязательного срока (1 февраля 1926 г.) составило по краю в целом 24%. После срыва срочного задания был установлен двухнедельный срок для ликвидации недоимки и довыполнения задания второго срока (75% от годового задания). Но по 11 округам задание второго срока к 15 февраля выполнено не было, а по Ачинскому, Томскому, Хакасскому округам, Ойротской автономной области и Иркутской губернии – и к 29 февраля⁵⁸. Впрочем, уплата сельхозналога далеко не всегда побуждала крестьян реализовать свое зерно. Так, согласно анкетному обследованию, проведенному в 1926 г., около 45% зажиточных крестьян юго-запада Сибири вносили налог без продажи хлеба⁵⁹.

Наиболее последовательно и успешно в крае проводилась политика сдерживания закупочных цен. Данная проблема находилась в центре внимания не только краевого и окружных торговых отделов. К контролю за соблюдением установленных цен привлекались советы всех уровней, милиция, финансовые органы, суды и прокуратура, экономические отделы ОГПУ. Сохранение стабильных заготовительских цен рассматривалось как важная задача сибирской партийной организации, что было подчеркнуто, в частности, в резолюции мартовского (1926 г.) пленума Сибкрайкома ВКП(б) «О торговле и заготовках»⁶⁰. С

помощью столь многочисленных контролеров выявлялось любое нарушение синдицированных цен, вслед за чем следовало строгое административное, партийное взыскание или даже привлечение к уголовной ответственности. В результате в течение второй половины кампании максимальные колебания среднемесячных заготовительных цен на пшеницу, которые полностью соответствовали директивному уровню, составляли всего 5 коп. за пуд. Цены на рожь, хотя и держались выше директивного уровня, однако оставались в целом стабильными (максимальные колебания от месяца к месяцу – 4 коп.).

Политика сохранения стабильного уровня хлебных цен как способ преодоления выжидательной позиции крестьянства дала эффект далеко не сразу. В январе–феврале 1926 г. заготовки уменьшались от декады к декаде. За январь 1926 г. хлеба было закуплено на 33% меньше, чем за январь 1925 г., а за февраль 1926 г. – на 21% меньше, чем за февраль минувшего года. И только в марте подвоз хлеба стал увеличиваться. Мартовские заготовки превзошли февральские на 13% и январские – на 8% (см.: табл. 8; прилож., табл. II). Это было связано *«до известной степени»*, как отмечалось в конъюнктурном обзоре народного хозяйства Сибири за март 1926 г., *«с твердой политикой заготовительных цен, не оправдавшей ожидания более зажиточного крестьянства на резкий подъем весенних цен на хлеб, как это было в прошлом году»*⁶¹.

Держатели хлеба – зажиточные крестьяне – везли свою продукцию на рынок не только потому, что убедились в стабильности закупочных цен. В этом важную роль сыграли как ряд чисто объективных факторов, так и серия мероприятий, осуществлявшихся властями. В условиях бездорожья выезд на рынок из большинства сибирских сел был затруднен. Затем наступал период весенне-полевых работ, когда крестьяне также не имели возможности покинуть село. Для того чтобы накопить на это время денег, следовало заранее продать достаточно большой объем хлеба. Одним из доказательств этого служит увеличение мартовских заготовок на 28,3% именно в западных округах края, тогда как в восточных округах прирост централизованного хлебозакупа по сравнению с февралем составил всего 1,4%. Весна на востоке наступала позже, и заготовки там активизировались лишь в начале апреля.

В условиях исчерпания запасов животноводческой и иной продукции крестьяне вывозили на рынок преимущественно хлеб. Свою стимулирующую роль сыграло и срочное направление в основные хлебозаготовительные районы края больших партий дефицитных товаров. Преодолению выжидательной позиции крестьянства способствовало

применение в ряде округов новой практики оплаты приобретенного у крестьян зерна. Государственные заготовители имели теперь право заключить с продавцом хлеба договор, согласно которому оплата на момент сдачи считалась авансом, а крестьянин получал затем дополнительно разницу между ценой сданного хлеба на момент оплаты и его же средней заготовительной ценой в мае или июне⁶².

Плановым заготовительным организациям сосредоточить рожь в своих руках помог запрет частникам осуществлять внутрисибирские железнодорожные перевозки ржи и ржаной муки. С целью максимального устранения частного капитала, который в преддверии навигации активизировал свои заготовки в районах, прилегающих к водным путям сообщения, соответствующим органам речного флота было дано указание не заключать договоры на перевозку зерна и связанные с этим вспомогательные операции с частными лицами и фирмами⁶³.

В апреле в связи с распутицей произошло снижение заготовок преимущественно за счет западных округов. Однако хлеба приобрели все равно больше, чем в апреле прошлого года. План закупок на май–август в размере 10 млн пудов, утвержденный в конце апреля, удалось перевыполнить на 11%. Причем в июне 1926 г. хлебопродуктов заготовили в 2,6 раза больше, чем в июне 1925 г. Всего с марта по август включительно в Сибирском крае было заготовлено 21,2 млн пудов зерна и муки или 40,6% от общего годового итога, за соответствующий период кампании 1924/25 г. – 32,5% (см.: табл. 8; прилож., табл. II). Успех летней кампании в первую очередь был связан со все более обнадеживающими видами на урожай, что позволяло не делать больших страховых запасов и в то же время, опасаясь вероятного понижения хлебных цен, избавляться от излишков.

Стабильно низкий и соответствующий директивному уровень закупочных цен государственных и кооперативных заготовительных организаций в течение второй половины кампании 1925/26 г. оставался специфической чертой хлебного рынка Сибири. В других заготовительных районах страны цены превышали директивный уровень и колебались от месяца к месяцу. Так, в январе 1926 г. заготовительные цены превосходили директивные на Северном Кавказе на 12%, на Урале – на 16–22, в ЦЧО – на 36–42, в Поволжье – на 48–62, в Южно-Степной Украине – на 48–55, в Левобережной Украине – на 79–88 и в Правобережной Украине – на 209–219%⁶⁴. Повышение цен в этих регионах, испытывавших в хлебе гораздо большую нужду, чем Сибирь, вынужденно использовалось как один из основных методов стимулирования предложения.

Растущие цены в сочетании с отсутствием конкуренции со стороны частных позволили плановым государственным и кооперативным заготовительным организациям в европейской части страны начиная с января 1926 г. форсировать заготовки. Месячные планы хлебозакупа не только выполнялись, но и перевыполнялись⁶⁵. Связанная с этим стабилизация продовольственного положения потребляющих районов позволила Центру поставить вопрос о некоторой либерализации политики регулирования хлебного рынка.

Однако подобная позиция вновь встретила сопротивление сибирских властей. В середине мая Наркомат торговли СССР *«в связи с указаниями высших правительственных органов, а также учитывая, что хлебозаготовительная кампания 1925–26 г. на исходе»*, рекомендовал подведомственным органам *«ввести ряд изменений в сторону смягчения приемов экономического регулирования»*. Местные торговые отделы должны были сообщить, где и на какие культуры «экономическое регулирование» можно отменить. Сибкрайторготдел обратился за консультацией к основным сибирским заготовительным организациям. Реакция последних на подобное предложение было единодушно отрицательной. В конце мая крайторготдел опротестовал решение НКПС о снятии запрета на перевозку по сибирским железным дорогам ржи, принадлежащей частникам. Проигнорировали сибирские власти и отмену Наркомторгом в начале июля «экономического регулирования» на водном транспорте. Перевозка частных хлебных грузов по водным путям сообщения разрешалась только для снабжения крупных сибирских городов – Новосибирска и Томска. Аналогичное решение было принято и относительно перевозок частных хлебопродуктов по железным дорогам. Более того, Сибкрайторготдел в начале мая вновь запретил основным заготовительным организациям партионную закупку зерна у частных торговцев⁶⁶.

Успешный ход централизованного хлебозакупа в европейской части страны во второй половине кампании позволил практически выполнить окончательное задание годового государственного плана. Недовыполнение составило всего 2,6%. Больше годового задания было собрано в таких крупных зернопроизводящих регионах, как Северный Кавказ, ЦЧО, Украина⁶⁷. Однако за внешним благополучием скрывались серьезные проблемы и противоречия. Последний вариант государственного плана централизованного хлебозакупа приняли практически уже в конце кампании, по существу, подогнав к ожидаемому результату. Что же касается первоначального плана, то его выполнение составило всего 75%. А именно под планируемое в начале кампании количество хлеба были рассчитаны и многие другие госу-

дарственные планы и программы (финансовый, экспортный, импортный, капитального строительства и т.п.).

Из-за невыполнения заготовительного плана оказался сорванным план экспорта хлебопродуктов. Соответственно сократились размеры импорта. Пришлось отказаться от ввоза в страну большого количества машин и оборудования. Их недопоставка привела к существенному снижению плана капитального строительства в промышленности⁶⁸.

В резолюции апрельского (1926 г.) пленума ЦК ВКП(б) «О хозяйственном положении и хозяйственной политике» отмечалось: *«Объективные хозяйственные трудности переживаемого периода в настоящем году были обострены неудачами в плановом руководстве хозяйством, выразившимися в преувеличении хлебозаготовительного, экспортно-импортного, валютного и кредитного планов, а в связи с этим и программ промышленного развертывания и капитального строительства»*⁶⁹.

Конечно, принятый в начале кампании заготовительный план был завышен. Однако и окончательный план не отражал реального положения на рынке. Товарного хлеба у крестьян было гораздо больше, чем его удалось собрать государственным и кооперативным заготовителям. Производители попросту не желали продавать выращенное зерно государству по низким, по их мнению, ценам. Изгнание с рынка частного капитала принципиально ситуацию не изменило. Более того, крестьяне еще больше снизили вывоз хлеба.

В результате в условиях достаточно высокого урожая жители городов и потребляющих районов стали испытывать ощутимый недостаток в хлебопродуктах. И лишь повышение закупочных цен в январе–феврале 1926 г. позволило увеличить заготовки и в целом удовлетворить спрос. Однако к тому времени большая часть хлеба ускользнула от государственных и кооперативных заготовителей. Его купили либо частники или же просто городские жители, либо он был использован внутри хозяйства – на корм скоту, на самогон и т.п. Таким образом, крестьяне большинства производящих районов в своей борьбе за повышение хлебных цен опять выиграли. Лишь крестьяне Сибири в 1925/26 г. не смогли повторить своего прошлогоднего успеха.

Закупочные цены в крае оставались стабильно низкими на протяжении всей кампании. Партийные, советские и соответствующие хозяйственные органы Сибири в течение всего года уделяли проблеме хлебных цен первостепенное внимание. С помощью жестких административных мер, привлекая к контролю за ценами органы суда, прокуратуры и ОГПУ, им удалось сохранить стабильный уровень цен. Сибирские власти восприняли это как свою крупную победу, о чем, в

частности, говорилось в постановлении бюро Сибкрайкома ВКП(б) по итогам хлебозаготовок⁷⁰.

Однако победа оказалась пирровой. Несмотря на то, что валовой сбор зерновых вырос в крае в 1925 г. по сравнению с 1924 г. на 36%, централизованные закупки хлеба увеличились всего на 7%. На 13% не был выполнен сокращенный в начале 1926 г. до 60 млн пудов окончательный план хлебозакупа. Выполнение же первоначального заготовительного задания составило лишь 61%. Это был самый низкий результат в стране.

Всего плановые государственные и кооперативные заготовительные организации закупили в крае 52 156,9 тыс. пудов хлебопродуктов, в том числе 29 210,9 тыс. пудов пшеницы, 10 387,2 тыс. пудов ржи, 9623,4 тыс. пудов зернофуража, 809,3 тыс. пудов крупяных культур и 2126,1 тыс. пудов маслосемян. Удельный вес пшеницы в общей заготовке вырос (с 42 до 56%), а ржи существенно снизился (с 40 до 20%). Более того, закупки ржи уменьшились не только в долевом, но и в абсолютном (на 46%) отношении. Доля кооперации в хлебозакупе несколько увеличилась и составила 53% (в 1924/25 г. – 42%). Существенно (с 43 до 54%) вырос удельный вес юго-западных округов в общесибирской заготовке, а северо-восточных – понизился⁷¹. 38 657 тыс. пудов, заготовленных в Сибири с июля 1925 по июнь 1926 г. включительно было зачислено в счет общесоюзного централизованного хлебозакупа, доля региона в котором составила 6,6% (в закупе пшеницы – 8,9%). Из Сибири в 1925/26 хозяйственном году вывезли 36 441 тыс. пудов хлебопродуктов⁷².

Таким образом, хлебозаготовительная кампания не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Значительный недобор первоначально намечаемого количества хлеба отрицательно сказался на многих отраслях народного хозяйства. На первый план среди причин заготовительных трудностей выдвинулись противоречия между государством и мелкотоварным крестьянством по поводу уровня закупочных цен. Крестьянство провело в 1925/26 г. вторую в период нэпа широкомащтабную «хлебную стачку». Производители зерна в европейской части СССР вновь, как и в 1924/25 г., борьбу за повышение цен выиграли. Сибирские крестьяне на этот раз повторить свой прошлогодний успех не смогли. Хлебные цены в регионе оставались стабильно низкими на протяжении всей кампании.

Хлебозаготовительный кризис 1925/26 г., которого никто не ожидал, породил острую дискуссию внутри партийно-государственной элиты. Лидеры оппозиции (Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, Г.Я. Сокольников) расценивали задержку реализации хлеба, которая привела

к кризису, как акт вполне осознанного сопротивления политике пролетарского государства со стороны численно выросшей и материально окрепшей сельской буржуазии. Лидеры партийного большинства (И.В. Сталин, Н.И. Бухарин, А.И. Рыков) с данной точкой зрения категорически не соглашались. Задержка реализации хлеба, по их мнению, была естественной позицией большинства крестьянства. Среди спровоцировавших ее причин они называли ошибки в планировании, неблагоприятную конъюнктуру, слабый налоговый нажим на деревню, отсутствие в руках государства достаточного количества хлеба, с помощью которого можно было осуществить рыночный маневр, конкуренцию со стороны частного капитала, несовершенство государственно-кооперативного заготовительного аппарата.

Отсюда и их рецепты преодоления заготовительных затруднений: недопущение ошибок в определении товарного объема хлеба; усиление элементов прогрессивности и подоходности в сельхозналоге; накопление государственных хлебных резервов; реорганизации заготовительного аппарата; вытеснение частного из межрайонного хлебооборота; снижение цен на технические культуры с тем, чтобы повысить стимулы к производству хлеба, не поднимая на него закупочных цен; понижение цен на промтовары. Последнее было призвано доказать крестьянству устойчивость червонца, повысить его покупательную способность и тем самым стимулировать сельских жителей к накоплению денежных, а не натуральных запасов.

Оппозиция в 1925—1926 гг. потерпела поражение, и соответствующие планирующие и хозяйственные органы в разработке концепции кампании 1926/27 г. руководствовались точкой зрения лидеров партийного большинства. Эта концепция была окончательно оформлена постановлением апрельского (1926 г.) пленума ЦК ВКП(б) «Об организации хлебозаготовительного аппарата в кампании 1926/27 г.»⁷³ и одноименным постановлением СТО⁷⁴. В них был принят курс на полную централизацию государственно-кооперативного торгово-закупочного аппарата и монополизацию хлебной торговли. В резолюции пленума ЦК откровенно заявлялось: *«Интересы снабжения внутреннего хлебного рынка, а также интересы экспорта и проведения политики цен, соответствующих интересам народного хозяйства Союза, требуют сохранения в руках государства централизованного хлебозаготовительного аппарата, который объемом своих заготовок и массой сосредотачиваемого в его руках хлеба мог бы фактически господствовать как на заготовительном, так и на потребительском рынках»*⁷⁵.

В соответствии с указанными постановлениями и подзаконными актами Наркомторга СССР была принята следующая схема организации хлебной торговли в стране. Количество государственных заготовительских организаций, которым разрешалась закупка зерна, сокращалось до одного–двух на район. Общегосударственный план централизованного хлебозакупа разверстывался на АО «Хлебопродукт», Центросоюз, Сельскосоюз и украинские аналоги двух последних, получавшие статус основных плановых заготовителей. Хлебное дело Госторга РСФСР ликвидировалось и передавалось «Хлебопродукту». Инорайонным и неплановым организациям самостоятельная заготовка запрещалась. Между основными и местными плановыми госзаготовителями и кооперацией производился функционально-территориальный раздел хлебного рынка страны. Госорганизации могли осуществлять заготовку хлеба, скупая его непосредственно у крестьян в местах массового предложения (на железнодорожных станциях, пристанях и т.п.), а также заключая договора на оптовую поставку с кооперативными объединениями.

Непосредственный хлебозакуп у крестьян на селе должны были осуществлять только низовые потребительские и сельскохозяйственные кооперативы. Кооперативным центрам, объединениям и даже райсоюзам открытие собственных ссыпных пунктов не разрешалось. Любому звену кооперации запрещалась заготовка у частных торговцев и для частников. Заключать договоры о поставке хлеба государственным организациям низовая кооперативная сеть имела право только с разрешения вышестоящих коопобъединений. На них возлагалась ответственность за соответствие этих договоров директивам центральных органов в области хлебозаготовок и особенно в области политики цен. Аналогичная система воспроизводилась и на последующих ступенях кооперативной иерархии. Наркомторг СССР, наркоматы торговли союзных республик и их местные органы обязывались вести наблюдение за тем, чтобы вся низовая сеть и первичные коопобъединения были загружены обязательствами по поставке с вышестоящими объединениями и центрами либо договорами с государственными организациями. Кооперативные центры также были лишены самостоятельности в сфере заготовок и обязывались исполнять директивы Наркомторга, других руководящих государственных и партийных органов.

Специфические функции в кампанию 1926/27 г. возлагались на Госбанк. Прежде всего, он получал монопольное право финансировать заготовки, все остальные кредитные и финансовые учреждения этого права были лишены. Кредитование и финансирование хлебозакупок

проводилось Госбанком не самостоятельно, а в соответствии с директивами Наркомата торговли СССР и по плану, разработанному вместе с ним. Кроме того, на Госбанк возлагалась задача воздействовать на частный хлебооборот путем заключения договоров на партионную поставку хлеба частными торговцами (работа с частниками была разрешена только Госбанку). В договорах с частниками обязательно оговаривался уровень закупочных и сдаточных цен, соответствующих директивным ценам. Приобретенную таким образом продукцию Госбанк поставлял по договорам нуждающимся государственным и кооперативным организациям потребляющих районов и тем самым предотвращал их самостоятельный выход на рынок. Условия, сроки и размеры договорных и комиссионных операций Госбанка также должны были соответствовать директивам Наркомторга и контролироваться последним. Прием хлеба Госбанк мог вести только на принадлежавших ему элеваторах. Ссыпные пункты, предназначенные для непосредственной скупки зерна у крестьян, передавались другим заготовительным организациям.

Для удовлетворения собственных потребностей производящих районов и с целью недопущения работы частных и инорайонных организаций с отдельными нецентрализованными мельницами предусматривалось создание в масштабах губерний и округов мельничных трестов, подчиненных местным органам Наркомторга. Хлебозакуп мельтресты могли вести только на своих мельницах. Если количество купленного зерна превышало местные потребности, то излишки должны были реализовываться через основных хлебозаготовителей или Госбанк. Была признана необходимость максимального изъятия из частной аренды мельниц с последующей передачей их мельтрестам, кооперации или «Хлебопродукту». Мельницы изымались из аренды, даже если их после этого приходилось ставить на консервацию. Все регулирование мукомолья и управление им сосредоточивалось в Наркомторге СССР и его местных органах. Кроме окружных и губернских был организован и ряд более крупных региональных трестов.

Плановые основные и неосновные государственные и кооперативные заготовительные организации объединялись в Центральную конвенцию. Аналогичные конвенции, в которые включались и местные заготовительные организации, создавались в масштабах округов, губерний, областей и краев. В задачи конвенций входило разрешение вопросов, связанных с уровнем закупочных и продажных цен, определением размеров, районов и условий заготовок, проведением мероприятий по снижению накладных расходов, порядком удовлетворения

местного потребительского рынка, а также потребностей внеплановых, в частности инорайонных, организаций. Конвенционные бюро получали право наказывать нарушителей соглашения, прибегая к объявлению выговора, наложению денежного штрафа, закрытию сыпного пункта. Особенно строго наказывалось превышение согласительных цен.

Конвенции утверждались Наркомторгом СССР и его органами. Местные органы внутренней торговли утверждали количество и месторасположение сыпных пунктов плановых и местных заготовительских организаций, их максимальную нагрузку. В рамках заготовительского района каждый заготовитель мог иметь только по одному пункту. Не допускалось открытие помимо основных вспомогательных сыпных пунктов (так называемых выдвигных амбаров).

Программа монополизации и централизации хлебной торговли была принята под влиянием заготовительских трудностей 1925/26 г. и в условиях неопределенности перспектив на следующий год. Хороших урожаев два года подряд могло и не быть. Летом 1926 г. ситуация несколько прояснилась. Сбор зерновых ожидался даже более высоким, чем в 1925 г.⁷⁶ Повторность урожая сулила будущей кампании неплохие перспективы. Несмотря на это, подход у высших органов страны к организации хлебозаготовок 1926/27 г. остался практически неизменным. Корректировались лишь задачи ценовой политики. Значительный рост валового сбора зерновых в ряде районов, накопление в 1925/26 г. запасов хлеба у крестьян, существенное увеличение общей товарной массы зерна в сочетании с увеличением сельскохозяйственного налога могло в отдельных регионах и в отдельные периоды кампании привести и к нецелесообразному падению цен. В связи с этим регулирующие органы, государственные и кооперативные заготовительские организации обязывались бороться не только с чрезмерным ростом, но и с падением закупочных цен, не допускать их сколько-нибудь существенного межрайонного и межсезонного разрыва.

Кроме того, в качестве одной из главных задач кампании стало рассматриваться создание в ее ходе резервного государственного фонда. В резолюции июльского (1926 г.) объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) по докладу наркома торговли СССР Л.Б. Каменева «О хлебозаготовительской кампании 1926–27 г.» указывалось: *«Благоприятный урожай этого года должен быть всемерно использован для образования резервного государственного фонда хлеба в размере не менее 50 млн пудов продовольственных культур (не считая мобфондов). Задача создания подобного фонда должна быть рассматриваема как одна из важнейших задач будущей хлебозаготовительской кампании*

также и потому, что два года хороших урожаев делают абсолютно необходимым путем создания подобного фонда гарантировать себя от последствий возможного неурожая в следующем году»⁷⁷.

Подготовка к заготовкам 1926/27 г. в Сибири проходила на основе руководящих указаний ЦК ВКП(б), СТО и Наркомторга СССР. Президиум Сибкрайисполкома 4 июня 1926 г. принял постановление «Об организации хлебозаготовительной кампании 1926–27 г.»⁷⁸ В соответствии с ним на сибирский хлебный рынок в качестве основных плановых заготовителей допускались «Сибхлебопродукт», Сибкрайсоюз, Сибсельскосоюз и Сибторг, зачисления которого в число местных плановых заготовителей добился у Центра Сибкрайисполком, а в качестве неосновных плановых – местные мельтресты и Масложирсиндикат. Госбанк лишался права хлебозакупа на территории региона, в том числе и у частных торговцев. За внеплановыми хлеботоргующими организациями (среди них назывался Московский союз потребительских обществ) оставался только партийный хлебозакуп у основных заготовителей. Работа частного капитала ограничивалась удовлетворением местного спроса на хлебопродукты. Его кредитование полностью прекращалось. Всем государственным и кооперативным хлеботоргующим организациям запрещалась партийная покупка продукции у частных лиц. Сибкрайсоюз и Сибсельскосоюз обязывались заключить соглашение, исключающее конкуренцию двух систем.

Сибкрайисполком поставил перед соответствующими органами и учреждениями следующие задачи на предстоящую заготовительную кампанию. В ее ходе надлежало закупить в централизованном порядке не менее 80% вывезенного на рынок крестьянского хлеба. В области ценовой политики следовало закрепить успех предыдущей кампании, не допустив превышения закупочных цен над их директивным уровнем и их межсезонного разрыва, а также устранить разрыв цен на зерно и муку. Повышалась ответственность руководящих работников заготовительных организаций за нарушение конвенционного соглашения, заключенного между сибирскими заготовителями. Чтобы создать условия для достаточного предложения хлеба со стороны крестьянства, планировалось совместить заготовительные мероприятия с взиманием сельхозналога, обеспечить основные хлебные районы промтоварами и сократить в первую половину кампании отпуск денежных средств в деревню на нужды производственного характера по всем линиям и формам (за исключением кредитования бедноты) с одновременным прекращением льгот по всякого рода платежам.

Региональный план централизованного хлебозакупа на 1926/27 г. первоначально был утвержден крайисполкомом в размере 60 млн пу-

дов. Однако некоторое ухудшение состояния посевов в конце лета привело к его немедленному снижению до 50 млн пудов⁷⁹. Урожай в крае осенью 1926 г. тем не менее был собран хороший. Хотя урожайность хлебного поля понизилась по сравнению с 1925 г. на 0,1 ц/га, общий валовой сбор зерновых за счет 20%-ного прироста посевных площадей повысился с 337 до 398 млн пудов, или на 18% (см.: прилож., табл. I). Несмотря на это, годовое заготовительное задание не увеличили. Сибирские власти по опыту знали, что превышение плана над возможной заготовкой может привести к излишнему форсированию спроса и соответствующему росту цен. В то же время возможности у местных государственных и кооперативных заготовителей для перевыполнения полученного задания имелись, и к вопросу об увеличении регионального плана решено было вернуться в ходе кампании.

В первые два месяца кампании темпы заготовок в целом по стране были ниже предполагаемых. Суховеи конца лета в южных регионах снизили там валовой сбор, а прохладная погода в ЦЧО и Поволжье задержала созревание зерна. В результате в конце лета – начале осени 1926 г. положение на потребительском хлебном рынке страны было весьма напряженным⁸⁰.

В сентябре ситуация изменилась. Интенсивные закупки начались в ЦЧО и Поволжье, где сбор зерновых по сравнению с прошедшим годом значительно вырос. Большой объем закупленного в сентябре хлеба и сдерживание экспорта позволили уже в октябре стабилизировать положение на внутреннем потребительском рынке. Во втором квартале рост централизованных закупок продолжался⁸¹. Увеличение их объема достигалось за счет включения в заготовки северо-восточных районов страны, в которых был собран очень высокий урожай.

Значительные объемы зерна закупались на сибирском рынке. Выполнение месячного плана в сентябре составило 293%, в октябре – 234, в ноябре – 240, в декабре – 136% (табл. 11). Отличительной чертой первой половины кампании в крае было отсутствие периодов падения хлебозаготовок, что было связано с благоприятными погодными условиями осени и начала зимы и почти полным отсутствием распутицы.

Т а б л и ц а 11

Ход централизованных хлебозаготовок 1926/27 г. в Сибирском крае
(по месяцам)

Месяц	Объем заготовок, тыс. пудов	% к годовому итогу	Выполнение месячного плана, %
1926 г.			
Сентябрь	1524	1,9	293
Октябрь	9918	12,4	234
Ноябрь	14658	18,3	240
Декабрь	15295	19,1	136
1927 г.			
Январь	9866	12,3	107
Февраль	11052	13,8	121
Март	6038	7,5	99
Апрель	4372	5,4	74
Май	1659	2,1	38
Июнь	2798	3,5	114
Июль	2089	2,6	113
Август	1074	1,3	172

Источник: Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1927. 6 нояб.

Примечание: В таблице приведены оперативные данные.

Успешный ход хлебозакупа позволил повысить его региональный план до 61,6 млн пудов. Всего за первые четыре месяца кампании в Сибири было заготовлено 41,4 млн пудов (67% годового плана). Столь внушительный результат был достигнут за счет юго-западных округов, выполнение годового задания в которых составило 85,7%. На северо-востоке хлебозакуп шел значительно хуже – 34,7% плана (табл. 12). Особой интенсивностью отличались заготовки пшеницы, задание четырех месяцев по закупкам которой было перевыполнено на 16%. В то же время произошел недобор к плановому уровню по ржи на 6% и овсу на 9%⁸².

Т а б л и ц а 1 2

Ход централизованных хлебозаготовок 1926/27 г. в Сибирском крае
(по округам)

Округ / регион	На 1.01.1927 г.		На 1.05.1927 г.		На 1.09.1927 г.	
	тыс. пудов	% к годовому плану	тыс. пудов	% к годовому плану	тыс. пудов	% к годовому плану
Омский	8899,5	118,7	13587,5	181,2	14608,3	194,8
Славгородский	5392,0	89,9	8797,4	146,6	9521,5	158,7
Барабинский	861,5	172,2	1285,8	257,2	1338,3	267,7
Новосибирский	2072,5	41,5	3030,4	60,6	3165,9	63,3
Каменский	1735,4	57,8	3106,6	103,6	3281,8	109,4
Барнаульский	5480,3	109,6	8317,9	166,4	9153,1	183,1
Бийский	4265,3	71,1	8280,6	138,0	9282,4	154,7
Рубцовский	4899,5	81,7	11095,5	185,0	13804,3	230,1
Юго-запад края	32995,6	85,7	57534,7	149,4	64188,5	166,7
Томский	1307,1	52,3	1844,3	73,8	2011,6	80,1
Кузнецкий	476,1	31,7	706,3	47,1	727,1	48,5
Ачинский	2497,3	62,4	4000,4	100	4155,7	104,0
Красноярский	648,9	26,0	1496,3	59,9	1600,1	64,0
Минусинский	592,8	19,8	949,8	31,7	975,6	32,5
Канский	1642,8	27,8	3283,2	55,6	3394,3	57,5
Иркутский	629,3	31,5	2211,1	110,6	2428,4	121,4
Тулуновский	203,8	20,4	691,0	69,1	763,0	76,3
Северо-восток края	7954,5	34,7	15179,8	66,3	16055,8	70,1
И т о г о по Сибири	41395,0	67,2	72723,0	116,4	80244,3	130,3

Источники: Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1927. 17 марта; 17 апр.; 19 июня; 6 нояб.; Сибирский торговый бюллетень. 1926. 10 окт.; 13 нояб.; 11 дек.

Примечание: На 1 января и 1 мая 1927 г. данные оперативные. В итоги по округам включена некоторая доля перекупок.

Таким образом, централизованные хлебозаготовки прошли в сентябре–декабре 1926 г. более чем успешно. В чем же были причины успеха? Во-первых, нужно иметь в виду хороший урожай, во-вторых, его повторность и, следовательно, отсутствие у крестьян нужды в пополнении страховых запасов. Само по себе достигнутое в Сибири 18%-ное увеличение валового производства зерна не предполагает

столь интенсивных заготовок, которые наблюдались в первой половине кампании. Однако все дело в географии урожая. Наряду с районами пониженного сбора имелись районы, в которых крестьяне собрали зерна значительно больше уровня прошлого года. А в условиях, когда на рынок потенциально могло быть вывезено большое количество продукта, вполне вероятно падение цен на него. Задержка реализации при этом могла обернуться против производителя, особенно если его финансовое положение недостаточно устойчиво.

В связи с этим осенью 1926 г. в высокоурожайных районах могла рискнуть придержать хлеб до весны только наиболее зажиточная часть деревни, имеющая достаточные финансовые накопления. Середняки и беднота, напротив, от своего зерна стремились побыстрее избавиться. Именно поэтому осенью и в начале зимы 1926 г. в ряде районов возникло ажиотажное предложение хлебопродуктов. Так, в Рубцовском округе в октябре–декабре заготовители едва справлялись с приемкой хлеба, занимаясь ею с раннего утра до позднего вечера. Случалось, что приемка продолжалась даже ночью при свете керосиновой лампы. Тем не менее крестьяне, приехавшие продать зерно, иногда вынуждены были стоять в очередях сутки и более⁸³.

Говоря о стремлении бедного и среднего крестьянства ускорить реализацию хлеба, следует отметить, что они в 1926/27 г., как и все сельское население, испытали гораздо большую нужду в деньгах, чем в 1925/26 г. Прежде всего в 1926/27 г. весьма существенно увеличился сельхозналог. В Сибири его рост составил 43,7%. Еще больше выросли размеры налога, взимаемые в первом полугодии сельскохозяйственного года. На 1 января 1926 г. сельские жители в Сибири выплачивали по сельхозналогу 5,9 млн руб., а на 1 января 1927 г. – 16 млн руб.⁸⁴ К этому нужно добавить увеличение страховых сборов, выплат за землеустроительные работы.

Повысились траты сельских жителей и на приобретение промышленных товаров, поставки которых в деревню несколько увеличились. За октябрь–декабрь 1926 г. завоз мануфактуры в сибирскую деревню по сравнению с тем же периодом 1925 г. вырос на 8%, металлоизделий – на 28,5%. Прирост стоимости приобретенного сельскохозяйственного инвентаря в Сибири в 1926/27 г. составил 12,6%⁸⁵. Повышение затрат сибирского крестьянства на приобретение промтоваров было также следствием изменения в соотношении промышленных и сельскохозяйственных цен. Несмотря на провозглашенную руководством страны политику их снижения, розничные цены на промтовары росли. Напротив, цены на сельскохозяйственную продукцию в 1926/27 г. снизились. В итоге «ножницы» цен, по индексу Конъюнктурного ин-

ститута, увеличились с 1,15 в марте 1926 г. до 1,32 в сентябре и продолжали удерживаться на этом уровне до конца года⁸⁶. Общий уровень сельскохозяйственных цен снизился в основном за счет целенаправленно проводимой политики снижения закупочных цен на технические культуры и маслосемена.

На более низком уровне по сравнению с 1925/26 г. держались в Сибири закупочные цены плановых заготовителей на пшеницу. В сентябре–октябре 1926 г. они были существенно ниже, чем за тот же период прошедшего года (в сентябре–октябре 1925 г. они достигали максимальных значений за всю кампанию); в ноябре–декабре их уровень примерно соответствовал или был чуть ниже, чем в соответствующий период 1925/26 г. По ржи существенной разницы в величине заготовительных цен за тот же период в регионе не наблюдалось (табл. 13). В целом по стране движение закупочных цен на хлебпродукты отличалось стабильностью, отсутствием резких подъемов и спадов. Уменьшились различия в хлебных ценах между отдельными регионами⁸⁷.

Т а б л и ц а 13

Закупочные цены на хлеб в Сибирском крае в 1926/27 г. (коп. за пуд)

Месяц	Заготовительные цены АО «Хлебпродукт»		Рыночные цены	
	пшеница	рожь	пшеница	рожь
1926 г.				
Сентябрь	87	57	101	67
Октябрь	90	60	99	68
Ноябрь	89	57	96	63
Декабрь	87	55	95	61
1927 г.				
Январь	86	55	96	60
Февраль	87	54	96	61
Март	87	55	96	61
Апрель	84	56	98	65
Май	87	56	105	71
Июнь	89	56	107	70
Июль	86	54	нет св.	нет св.
Август	91	56	– " –	– " –

Источники: Ежегодник хлебной торговли. М., 1928. № 1: 1925/26 – 1926/27 гг. С. 64; Ежегодник хлебной торговли. М., 1929. № 2: 1927/28 г. С. 63; Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1927. № 5–6. С. 87; № 7–8. С. 85; № 10. С. 49; № 14. С. 45.

Примечание: Рыночные цены приведены по состоянию на первое число указанного месяца.

Снижение закупочных цен в Сибири и других регионах осенью 1926 г. отчасти стало следствием увеличения объемов заготовок. Но главной причиной этого была целенаправленная политика государственных регулирующих органов. Директивный уровень хлебных цен был принят на более низком по сравнению с 1925/26 г. уровне. В строгом соответствии с директивными были установлены конвенционные цены. Любое их превышение отслеживалось органами Наркомторга и РКИ и строго пресекалось. При первом нарушении согласительных цен виновным объявлялся выговор, а на заготовительную организацию накладывался штраф. В случае повторного нарушения могло последовать привлечение к уголовной ответственности и закрытие сыпного пункта. Усилился контроль за хлебными ценами со стороны партийных и советских органов. Негласное наблюдение за рынком вело ОГПУ, представители которого присутствовали на заседаниях местных заготовительных комиссий.

Падение закупочных цен привело к тому, что крестьяне были вынуждены продавать большие объемы хлеба для получения той же суммы денег. Продать свое зерно по более высоким ценам, чем директивные, крестьянин не мог, так как все внеплановые государственные и кооперативные заготовители с рынка были изгнаны. Весьма существенно сократились объемы заготовительной работы частного капитала. В конце августа было восстановлено временно отмененное «экономическое регулирование» на железнодорожном транспорте, вскоре распространенное на водные и смешанные водно-железнодорожные перевозки⁸⁸. Стал осуществляться более строгий контроль за его соблюдением. В Сибири нормы «экономического регулирования» толковались еще более расширительно. Они распространялись не только на пшеницу и рожь, но и на муку всех сортов, зернофураж, маслосемена и даже на крупяные культуры. Право беспрепятственного вывоза указанных видов продукции за пределы края получали только основные сибирские заготовительные организации, а также райсоюзы потребительской и сельскохозяйственной кооперации по доверенности своих коопцентров⁸⁹.

В ноябре 1926 г. были введены особые повышенные тарифы для частных грузов. Теперь перевозка зерна для частных лиц обходилась в 1,5, а муки в 2 раза дороже. Для государственных и кооперативных организаций тарифы были повышены лишь на 10–20%. Был также увеличен подоходный налог на частника, который теперь достигал

45%, а с учетом всевозможных местных надбавок около 66% полученного дохода. В 1923/24 г. по налогу отчуждалось 25–30% дохода⁹⁰. Таким образом, уже в начале осени 1926 г. частник из межрайонного хлебного оборота был вытеснен. В бюллетене ЭКО ПП ОГПУ по Сибирскому краю за январь сообщалось лишь об отдельных случаях перевозки муки частными пекарями на пассажирских поездах в качестве багажа⁹¹. Деятельность частного хлеботоргового капитала ограничивалась лишь местным, внутрирайонным снабжением. Однако и здесь его роль существенно снизилась.

Дело в том, что опорой внутрирайонной деятельности частников являлись принадлежащие им мельницы, на которых перемалывалось закупаемое зерно, а затем мука продавалась непосредственно потребителям. В ходе кампании 1926/27 г. деятельность частного мукомолья была существенно ограничена. В соответствии с указанными выше постановлениями ЦК ВКП(б) и СТО «Об организации хлебозаготовительного аппарата в кампании 1926/27 г.», в которых ставилась задача максимального изъятия из частной аренды товарных и полутоварных мельниц, на местах были созданы межведомственные комиссии, призванные найти юридические основания для расторжения арендных договоров.

В связи с тем, что работа комиссий затягивалась из-за отсутствия во многих случаях законных оснований для изъятия мельпредприятий из аренды и необходимости фабрикации этих оснований, Наркомторг издал ряд директив, в которых предусмотрел существенные ограничения в деятельности частного мукомолья⁹². В соответствии с ними государственные и кооперативные организации обязывались пересмотреть все договора на сданные ими в аренду частным лицам мельничные предприятия товарного или полутоварного типа. В новых договорах предусматривалось повышение арендной платы, увеличение амортизационных отчислений и страховых взносов, проведение капитального ремонта предприятия за счет арендатора. Включались в договора и специальные положения ограничительного характера: определение района, в котором предписывалось производить закупки зерна; установление сортности и стандарта перемола; переход исключительно на крестьянский помол; закупка зерна и реализация произведенной муки только по директивным ценам. В случае нарушения в дальнейшем какого-либо из положений нового арендного договора арендодатель обязывался немедленно предъявить иск на его расторжение.

Местным советам впредь запрещалась передача принадлежащих им мельниц в частную аренду. Если местный совет сам не мог их эксплуатировать, а государственного или кооперативного арендатора не

находилось, то эти мельницы предписывалось ставить на консервацию.

Исходя из того, что ужесточение условий аренды могло стимулировать частных к созданию новых мельпредприятий, была введена разрешительная система их постройки. Санкция на строительство или переоборудование мельницы с суточной производительностью от 2 тыс. пудов и выше могла выдаваться только Наркоматом торговли СССР по представлению Наркомторга союзной республики; на постройку мельницы, производящей от 800 до 2000 пудов муки в сутки – республиканским наркоматом; менее 800 – областным, краевым или губернским торговделами. Соответствующие ведомства должны были согласовывать планы производства мельничного оборудования с органами Наркомторга, а также в первую очередь исполнять государственные и кооперативные заказы на его производство и в последнюю – частные заказы.

Помимо этого местные торговделы получали право по своему усмотрению ограничивать или полностью воспрещать отпуск для частных мельпредприятий топлива, технических средств, строительных материалов и т.п. Было также увеличено налоговое обложение частного мукомолья. Мельпредприятия, находившиеся в частной собственности, принуждались местными органами к заключению договоров с плановыми заготовителями на поставку им произведенной продукции. Вводилась и разрешительная система на перемол частного зерна на государственных и кооперативных мельницах. Теперь принятие зерна от частных производилось только в случае наличия у них разрешений местных торговделов с указанием количества зерна. При этом разрешения на перемол выдавались лишь при наличии у частного соглашения с плановыми заготовителями о реализации продукции, причем продажные цены должны были строиться только на основе директивных цен.

Таким образом, конъюнктурные и общехозяйственные условия 1926/27 г. способствовали ускоренной реализации хлеба со стороны крестьянства. В силу вытеснения с рынка внеплановых и частных заготовителей львиная доля хлебопродуктов попала в руки плановых государственных и кооперативных заготовительных организаций. В связи с этим первая половина кампании прошла для государства более чем успешно. Причем дело здесь не в фактах значительного перевыполнения планов, что свидетельствует в первую очередь об их чрезвычайной заниженности. Только этим обстоятельством можно объяснить, что в Томском округе в сентябре 1926 г. заготовки хлебопродуктов составили 700% от месячного задания, а в октябре – почти 300%⁹³.

О достижениях свидетельствовали количественные итоги полугодия, значительно превосходящие результаты предшествующих кампаний. Централизованный хлебозакуп первых четырех месяцев кампании в Сибири превышал аналогичный показатель 1925/26 г. в 1,8 раза (см.: прилож., табл. II). Успешно проходили заготовки и в целом по стране. Выполнение полугодического задания составило 116%, а превышение над итогами первых шести месяцев кампании 1925/26 г. – 37,5%. Причем наиболее ценной продовольственной и экспортной культуры – пшеницы – в СССР было заготовлено почти в 2 раза больше, чем в предыдущем году⁹⁴.

Однако наряду с несомненными успехами централизованных закупок государство в сфере хлебооборота испытывало и некоторые трудности. В связи с изгнанием с рынка частников и внеплановых государственных и кооперативных заготовителей их функции по снабжению потребляющих районов взяли на себя основные заготовительные организации. В результате государство вынуждено было наращивать поставки на внутренний рынок, вместо того чтобы, используя благоприятную конъюнктуру на внешнем рынке (неурожай в Западной Европе), форсировать экспорт. Не были основные заготовительные организации и столь разворотливы, как частники, не всегда успевая вовремя и в достаточном количестве снабжать некоторые потребляющие районы. Во втором квартале 1926/27 г., наряду с образованием в крупных промышленных центрах хлебных фондов, существенно превышающих их потребности, соседние с ними губернии снабжались слабо и даже с перебоями⁹⁵.

Вторая половина 1926/27 заготовительного года развивалась со значительными трудностями. Хлеб, закупаемый на юге страны, отправлялся преимущественно на экспорт. Снабжение внутреннего рынка было возложено на северо-восточные районы страны (преимущественно на Сибирь), где были сконцентрированы большие запасы хлебопродуктов. Однако железнодорожный транспорт не справлялся со значительно возросшим объемом перевозок. Особенно это касалось алтайской, славгородской и отчасти ачинско-минусинской железнодорожных веток, пропускная способность которых была невелика. Большая часть сибирского хлеба закупалась именно в прилегающих к ним районах. Не в состоянии пропустить необходимое количество продукции хлеба оказались и уральские дороги.

Ситуация еще более осложнилась в связи с неблагоприятной погодой. В Сибири начались сильные морозы, перемежаемые не менее сильными буранами. Вследствие этого на железнодорожных станциях края скопились огромные залежи зерна. К 1 марта 1927 г. они состав-

ляли 13,3 млн пудов. Для хранения хлеба не хватало оборудованных складских помещений. Закупаемое у крестьян зерно хранилось в банях, погребах, колодцах, в буртах под открытым небом. Большая влажность сибирского хлеба и нехватка сушильных мощностей приводила к порче большой массы зернопродуктов. Многие низовые кооперативы, практически уже выполнившие годовой план, стали отказываться от приема влажного зерна. Ограниченная мощность мельпредприятий края не позволяла перерабатывать собранное количество хлеба, поэтому он вывозился в зерне, а не в муке, что требовало значительно большего количества вагонов⁹⁶. В результате уже в конце III квартала заготовительного года начали возникать перебои со снабжением отдельных промышленных районов европейской части страны. Однако главные трудности кампании были еще впереди.

В конце зимы – начале весны 1927 г. произошло осложнение международного положения СССР, вызванное ухудшением англо-советских и советско-китайских отношений. Ситуация обострилась после налета в начале апреля китайской полиции на здание советского полпредства в Пекине, а затем аналогичной акции лондонской полиции по отношению к советскому торговому представительству 12 мая 1927 г. 27 мая 1927 г. Англия разорвала дипломатические отношения с СССР. 7 июня 1927 г. в Варшаве был убит полпред СССР П.Л. Войков. Все эти факты были восприняты советским руководством как зарождение единого антисоветского фронта и подготовка к войне с Советским Союзом. В стране была развернута широкая пропагандистская кампания, призванная показать единство советского народа и его готовность противостоять империалистической агрессии. Рядовой советский обыватель, напуганный возможной войной, начал делать срочные и массовые закупки муки, чтобы обеспечить себя на случай голода.

В результате во многих городах страны перед хлебными лабазами выстроились длинные очереди⁹⁷. Стали увеличивать свои страховые запасы и крестьяне производящих районов, в том числе и в Сибири. Кроме того, большое количество зерна в регионе в связи с повышением цен на водку вновь стало расходоваться на выгонку самогона. Последний производился не только для собственного употребления, но и на продажу. На изготовление 1 ведра этого зелья, которое можно было продать за 4 руб., требовалось полпуда ржи. Цена 1 пуда ржи у государственных и кооперативных заготовителей составляла в среднем 60 коп.⁹⁸ В результате объемы централизованного хлебозакупа в СССР в марте–июне резко упали⁹⁹.

В Сибири в марте 1927 г. заготовки по сравнению с февралем уменьшились на 45,4%, в апреле по сравнению с мартом – на 29,2%, в мае по сравнению с апрелем – на 61,2%. Вместе с тем в марте 1926 г., наоборот, отмечался рост заготовок на 13%, затем в апреле падение на 28% и в мае – еще на 25,1%. Всего за март–август 1927 г. в крае было закуплено 17 930 тыс. пудов хлебопродуктов, а за тот же период 1926 г. – 18 742 тыс. пудов. Государственный заготовительный план в регионе в апреле был выполнен на 74%, а в мае – всего на 38% (см.: табл. 11; прилож., табл. II).

В создавшихся условиях для покрытия ажиотажного спроса государство было вынуждено израсходовать весь накопленный к тому времени резервный фонд, а начиная с марта существенно сократить отгрузку зерновых на экспорт. Несмотря на это, в четвертом квартале заготовительного года в большинстве губерний потребляющей полосы ощущались перебои в снабжении мукой. Для того чтобы хоть как-то стимулировать реализацию зерна, плановым заготовительным организациям пришлось пойти на некоторое повышение закупочных цен¹⁰⁰. Таким образом, зажиточное крестьянство, придерживавшее хлеб до весны–лета, снова оказалось в выигрыше.

В связи с заготовительными затруднениями второй половины кампании общегосударственный план хлебозакупа был невыполнен на 5,3%¹⁰¹. Напротив, в Сибирском крае годовое задание перевыполнили на 30,3%. По сравнению с 1925/26 г. закупки хлеба в регионе увеличились в 1,5 раза (на 53,9%) и составили 80 244 тыс. пудов. В западных округах Сибири было заготовлено около 80% всего хлеба (в 1925/26 г. – 54%). Причем на долю пяти округов – Омского, Славгородского, Барнаульского, Бийского и Рубцовского – приходилось 70% от всего регионального хлебозакупа¹⁰². 61 014 тыс. пудов, приобретенных в Сибири с июля 1926 по июнь 1927 г. включительно, зачислили в счет общесоюзных централизованных заготовок, доля региона в котором составила 8,9% (в закупе пшеницы – 12,3%). Из Сибири в 1926/27 хозяйственном году вывезли 54 451 тыс. пудов хлебопродуктов¹⁰³.

За кампанию в Сибирском крае в централизованном порядке заготовили 61324,5 тыс. пудов пшеницы, 9232,4 тыс. пудов ржи, 6837,5 тыс. пудов зернофуража, 587,4 тыс. пудов крупяных культур и 2662,5 тыс. пудов семян масличных. Удельный вес пшеницы в общем хлебозакупке вырос с 56 до 76%, а ржи – еще более снизился – с 19,9 до 11,5%¹⁰⁴. Значительное преобладание пшеницы объясняется не только перемещением центра тяжести заготовок в западные округа и сокращением посевов других культур. Товарные остатки ржи, овса и масло-

семян значительно превосходили объемы их закупок. Однако крестьяне из-за крайне низких закупочных цен не желали их продавать.

В 1926/27 г. в регионе существенно увеличилась роль кооперации в плановых заготовках. На долю потребительской кооперации приходилось 32% хлебозакупа, на долю сельскохозяйственной кооперации – 28%. «Сибхлебопродуктом» было закуплено 31% хлеба. Успешно прошли заготовки Сибторга, который сохранил свой удельный вес на хлебном рынке региона (см.: прилож., табл. IV). На неудовлетворительном уровне оказались лишь заготовки местных мукомольных трестов (Рубцовского, Омского и Минусинского), которые не справились со своими плановыми заданиями. Слабость их работы объясняется их тяжелым финансовым положением и отсутствием оборотных средств¹⁰⁵.

Таким образом, в 1926/27 г. существенно усилились централизация и монополизация хлебного рынка со стороны государства. Государственные и окончательно потерявшие свою самостоятельность кооперативные заготовители фактически были объединены в единую организацию, имеющую характер монополии, где каждая организация превращалась, по существу, в специализированный отдел, занимающийся лишь своими специфическими операциями. Доля группы основных заготовителей выросла и в общих закупках всего товарного хлеба. В Сибири они сняли около 90% всего вывезенного на рынок зерна¹⁰⁶.

Общехозяйственные и конъюнктурные особенности 1926/27 хозяйственного года способствовали успешному ходу заготовок в течение первых двух его кварталов. Однако государственно-кооперативный хлеботорговый аппарат, монополизировавший рынок, даже в наиболее успешные периоды кампании не обеспечивал зерном и мукой ряд районов страны. Ситуация осложнилась во второй половине кампании, когда в связи с «военной опасностью» хлебный рынок начало лихорадить. Но если в связи с этим в целом по стране не удалось выполнить заготовительный и экспортный планы, то в Сибири годовой план централизованного хлебозакупа был перевыполнен почти на треть. Политическое и хозяйственное руководство СССР и Сибирского края, не заметив нарастающих в сфере коммерческих хлебозаготовок трудностей, оценило кампанию 1926/27 г. как успешную.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 3. С. 341.

² Там же. С. 347.

³ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921—1927 гг.). Новосибирск, 1992. С. 98.

⁴ РГАЭ, ф. 5240, оп. 4, д. 36, л. 59, 69.

⁵ Основы и перспективы хлебозаготовительной кампании 1925/26 хозяйственного года (обзор правительственных мероприятий). М.; Л., 1925. С. 7.

⁶ ГАРФ, ф. А-410, оп. 1, д. 1, л. 206–207; д. 2, л. 54.

⁷ Там же, д. 1, л. 121–122; ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 243, л. 170–171.

⁸ ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 243, л. 170–171; д. 288, л. 489–491; Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству. 1925. № 22. С. 32.

⁹ ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 288, л. 491; Основы и перспективы хлебозаготовительной кампании... С. 34; ГАРФ, ф. А-410, оп. 1, д. 1, л. 122.

¹⁰ СЗ СССР. 1925. № 50. Ст. 373.

¹¹ ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 288, л. 864.

¹² Народное хозяйство Сибирского края (По контрольным цифрам на 1926–27 г.). Новосибирск, 1927. С. 106–107, 110; Жизнь Сибири. 1925. № 10–11. С. 147; 1926. № 5–6. С. 3–4.

¹³ ГАНО, ф. П-2, оп. 2, д. 21, л. 205–208.

¹⁴ Там же, ф. Р-659, оп. 1, д. 287, л. 297; д. 288, л. 516; Жизнь Сибири. 1926. № 5–6. С. 4.

¹⁵ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 104–106.

¹⁶ Там же. С. 108.

¹⁷ Там же. С. 110–111.

¹⁸ ГАРФ, ф. А-410, оп. 1, д. 2, л. 177, 339; д. 3, л. 29–30, 62.

¹⁹ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 115–116.

²⁰ ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 246, л. 120; д. 314, л. 92.

²¹ Там же, д. 246, л. 124, 140; д. 259, л. 41.

²² Там же, д. 286, л. 235; ф. П-2, оп. 1, д. 1137, л. 17, оп. 2, д. 21, л. 232, 236.

²³ Там же, ф. Р-659, оп. 1, д. 285, л. 2–3.

²⁴ Там же, д. 288, л. 647.

²⁵ Там же, д. 285, л. 5; д. 288, л. 735.

²⁶ Там же, д. 286, л. 192.

²⁷ Там же, л. 147.

²⁸ РГАЭ, ф. 5240, оп. 4, д. 75, л. 102.

²⁹ Там же, л. 194.

³⁰ Там же, д. 3, л. 4об.; ГАРФ, ф. А-410, оп. 1, д. 8, л. 219; ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 286, л. 210, 221–222.

³¹ В начале 1926 г. произошло объединение союзных наркоматов внутренней и внешней торговли в единый Наркомторг СССР. Вслед за этим местные внутторги были преобразованы в отделы торговли краевых, губернских и окружных советов.

³² ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 314, л. 125.

³³ Там же, д. 288, л. 837.

³⁴ Там же, л. 849.

³⁵ Там же, д. 314, л. 125.

³⁶ Там же, д. 259, л. 41; д. 285, л. 3; д. 288, л. 652, 884; д. 314, л. 36.

³⁷ ГАРФ, ф. А-410, оп. 1, д. 5, л. 143.

- ³⁸ ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 246, л. 174; д. 314, л. 165.
- ³⁹ Там же, оп. 2, д. 26, л. 89об.–90об.
- ⁴⁰ Там же, оп. 1, д. 314, л. 162.
- ⁴¹ Экономическое обозрение. 1926. № 7. С. 6.
- ⁴² ГАНО, ф. П-2, оп. 2, д. 21, л. 239.
- ⁴³ Там же, ф. Р-659, оп. 1, д. 286, л. 488.
- ⁴⁴ Там же, оп. 2, д. 28, л. 499.
- ⁴⁵ Советская Сибирь. 1926. 3 нояб.
- ⁴⁶ ГАНО, ф. П-2, оп. 2, д. 62, л. 15.
- ⁴⁷ Там же, ф. Р-1, оп. 2а, д. 53, л. 142.
- ⁴⁸ Там же, ф. П-2, оп. 2, д. 62, л. 15; ф. Р-1073, оп. 1а, д. 11, л. 50.
- ⁴⁹ ГАРФ, ф. А-410, оп. 1, д. 3, л. 237.
- ⁵⁰ *Ильиных В.А.* Борьба за осуществление сельскохозяйственного налога в Сибири (1924—1927 гг.) // Материалы XXI Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». История. Новосибирск, 1983. С. 66.
- ⁵¹ ГАНО, ф. Р-1228, оп. 1, д. 89, л. 21; ГАОО, ф. 28, оп. 1, д. 50, л. 4.
- ⁵² *Ильиных В.А.* Соотношение форм классовой борьбы в сибирской деревне в условиях нэпа (1924—1927 гг.) // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 101.
- ⁵³ ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 285, л. 13.
- ⁵⁴ Там же, ф. Р-20, оп. 1, д. 82, л. 2.
- ⁵⁵ Там же, ф. Р-659, оп. 1, д. 285, л. 13, 34; д. 314, л. 123, 128.
- ⁵⁶ Там же, д. 314, л. 47; ф. Р-1073, оп. 1а, д. 11, л. 146; ГАНО, ф. Р-145, оп. 1, д. 781, л. 96об.
- ⁵⁷ *Ботвинник Е.Г.* Итоги и перспективы хлебозаготовок в Сибири // Жизнь Сибири. 1925. № 7–8. С. 125.
- ⁵⁸ *Ильиных В.А.* Осуществление сельскохозяйственного налога в Сибири в 1924—1928 гг. // Налоги и заготовки в сибирской деревне. 1890—1920-е гг. Новосибирск, 2004. С. 195.
- ⁵⁹ Бюллетень рынка и цен Сибирского края. 1926. № 7. С. 43.
- ⁶⁰ Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1926. № 3. С. 35.
- ⁶¹ Жизнь Сибири. 1926. № 2–3. С. 84.
- ⁶² ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 314, л. 120.
- ⁶³ Там же, д. 285, л. 14, 20; д. 286, л. 364–365.
- ⁶⁴ РГАЭ, ф. 8151, оп. 1, д. 40, л. 5, 24, 123.
- ⁶⁵ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 133, 135.
- ⁶⁶ ГАНО, ф. Р-1073, оп. 1а, д. 11, л. 406, 411–416, 443, 451.
- ⁶⁷ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 137–138.
- ⁶⁸ *Бокарев Ю.П.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. М., 1989. С. 261–262; Экономическое обозрение. 1926. № 7. С. 5–10.
- ⁶⁹ Известия ЦК ВКП(б). 1926. № 15. С. 3.
- ⁷⁰ ГАНО, ф. П-2, оп. 1, д. 1137, л. 1.
- ⁷¹ Там же, ф. Р-12, оп. 2, д. 6, л. 32; Прилож. Табл. III, IV.

- ⁷² Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1927. № 17. С. 30, 35; *Гущин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926—1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 108.
- ⁷³ Известия ЦК ВКП(б). 1926. № 15. С. 4–6.
- ⁷⁴ ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 286, л. 307–312.
- ⁷⁵ Известия ЦК ВКП(б). 1926. № 15. С. 4.
- ⁷⁶ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 153.
- ⁷⁷ Известия ЦК ВКП(б). 1926. № 29–30. С. 13.
- ⁷⁸ ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 285, л. 26–31.
- ⁷⁹ Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1926. № 10. С. 89; Советская Сибирь. 1926. 21 авг.
- ⁸⁰ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 156.
- ⁸¹ Там же. С. 156–158.
- ⁸² Жизнь Сибири. 1927. № 1. С. 35; № 7. С. 67.
- ⁸³ ГАНО, ф. Р-1073, оп. 1а, д. 26, л. 113.
- ⁸⁴ Финансы и народное хозяйство Сибирского края в 1925–26 и 1926–27 гг. (основные показатели). Новосибирск, 1928. С. 18.
- ⁸⁵ Жизнь Сибири. 1927. № 1. С. 37; *Боженко Л.И.* Сибирская деревня в восстановительный период. 1921 – 1925 гг. (Социально-экономические процессы и их регулирование в сибирской деревне). Томск, 1978. С. 51.
- ⁸⁶ *Бокарев Ю.П.* Социалистическая промышленность... С. 280.
- ⁸⁷ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 162.
- ⁸⁸ ГАРФ, ф. А-410, оп. 1, д. 17, л. 82; д. 36, л. 2–3.
- ⁸⁹ ГАНО, ф. Р-1073, оп. 1а, д. 11, л. 497, 511.
- ⁹⁰ Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1927. № 1–2. С. 39.
- ⁹¹ ГАНО, ф. Р-1073, оп. 1а, д. 26, л. 118.
- ⁹² ГАРФ, ф. А-410, оп. 1, д. 12, л. 85–87; д. 20, л. 79; ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 286, л. 379–382; д. 320, л. 25.
- ⁹³ ГАТО, ф. 204, оп. 1, д. 486, л. 30об.
- ⁹⁴ Экономическое обозрение. 1927. № 1. С. 125.
- ⁹⁵ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 167–168.
- ⁹⁶ Жизнь Сибири. 1927. № 2. С. 137; № 7. С. 70; Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1927. № 23. С. 57.
- ⁹⁷ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 170.
- ⁹⁸ ГАНО, ф. Р-1073, оп. 1а, д. 26, л. 34.
- ⁹⁹ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 170.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 171–172.
- ¹⁰¹ Там же. С. 173
- ¹⁰² Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1927. 6 нояб.
- ¹⁰³ Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1927. № 18. С. 40, 43; *Гущин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму. С. 108.
- ¹⁰⁴ Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1927. 6 нояб.; Прилож. Табл. III, IV.
- ¹⁰⁵ Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1927. № 23. С. 54–55.
- ¹⁰⁶ Советская Сибирь. 1927. 7 апр.